

ИГОРЬ КОЖУХОВ

РОДНАЯ ДУША

РАССКАЗЫ

СТАТЬЯ

Артём, двадцатипятилетний студент, наконец-то закончил институт. И, хотя ещё во время учебы он писал статьи в разные газеты, теперь встал вопрос о настоящей работе. Иван Силантьевич, главный редактор газеты, где его чаще всего печатали, просто и внятно сказал: “Вот неделя сроку, молодой человек. Вот командировка как начинающему специалисту, если сразишь репортажем наповал, беру. А если нет, возьму на полставки, пока не вырастешь”.

Всё было правильно. Артём решил уехать из города подальше, может, что и придёт в голову.

Деревня

Артём вышел из автобуса на мокрый асфальт и, дождавшись, когда развееется дым, вдохнул полной грудью. Влажный и свежий воздух раскрыл слежавшиеся лёгкие, от нескольких вдохов закружилась голова. Закрыв глаза, хотел сказать что-нибудь возвышенное, но ничего не вспомнил. Пришло на ум только глупое: “Лепота...”

Парень стоял на обочине дороги перед синей табличкой с надписью: “Деревня Задел”. Почти за четыреста вёрст от областного центра.

КОЖУХОВ Игорь Александрович родился в 1967 году в с. Береговое Новосибирской области, где и проживает. Публиковался в журналах “Союз писателей”, “Сибирские огни” и др. Член Союза писателей России, член Петровской Академии наук и искусств. Победитель первого конкурса имени П. П. Дедова в 2014 году и диплом III степени в 2015 году. Автор книг “Булемина любовь”, “Последняя коммуна”, “Когда взойдёт солнце”. По рассказу “Мамка” снят короткометражный художественный фильм.

Начало дороги было насыпано щебёнкой, дальше — среднерусский чернозём.

С новым вздохом, надломив неуверенность, Артём быстро пошёл навстречу, как был почти уверен, судьбе. Дорога не разбита, следовательно, техника здесь бывает редко. Наверняка, был совхоз или колхоз, но распался, сейчас дворов тридцать, а то и меньше. Шёл быстро, то мечтая о славе, то боясь неудачи, то напевая в такт шагам песни, то читая стихи. Дорога, сделав плавный полукруг, спрятала за лесом трассу, сузилась до двойной колеи. Лес приблизился и навис тяжёлыми кронами над дорогой, а сама дорога, уйдя в сторону от основной, только не накатанной, а значит, брошенной, приобретала просто сказочный вид. Он всё больше радовался, что сошёл именно здесь, почему-то уверяясь в будущей удаче. И, когда лес с дорогой вдруг оборвались большим лугом к деревне и реке, от неожиданности и радости закричал что было мочи. Сказка, действительно сказка!

До небольшой реки было с километр, деревня начиналась метров на триста ближе и располагалась будто в большой ложбине. Насчитал почти сорок дворов и пошёл к самому большому, догадываясь, что это магазин.

На входе, обозначенном двумя толстыми столбами-воротами, его облаяли похожие друг на друга собаки. Поняв, что вреда им не принесут, снова завалились в пыль, набивая ею шерсть и затрудняя жизнь блохам. Деревня, на удивление, была не пустая. Почти за каждым палисадом видны бабы и мужики, работающие в своих огородах. Стайка голоногих пацанов на велосипедах, юноша на неизвестной технике с двигателем внутреннего сгорания и, конечно же, красивенькие, живые девчухи в сарафанах и сандалиях. Он сразу решил: “Деревня а-ля прошлый век”.

Магазин был закрыт на обед, зато в стороне — ларёк, небольшой, но ухоженный, с открытым окном. В ларьке приятная женщина лет тридцати—тридцати пяти, с яркими губами, тонкими подкрашенными ресницами и с чёрными вдруг ногтями.

“Ба! Да здесь тоже телевизор смотрят!” — мелькнуло в голове парня.

Женщина, выказав интерес, грудным, мягким голосом почти пропела:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! У вас здесь, как в сказке, красиво. Прямо сердце радуется!

— Это вы правильно заметили, красиво. Жить только не совсем просто, но народ старается. А вы, собственно, зачем к нам?

Артём решил себя не выдавать, сказал, что просто в отпуске, путешествует.

— Везёт, — сделала вывод женщина, уютно пошевелив плечиком и улыбнувшись, — а то оставайтесь. У нас пустые дома есть, живите. И невесту найдём.

Она пристально посмотрела в глаза незнакомцу, теребя рукой лямочку на голом плече, задевая пальчиком мочку уха и завиток волос.

— Не пожалеете!

— Хорошо, только где переночевать можно?

— Да хоть у матери моей, возле речки домик стоит, красивый, с башенкой. Давайте, покажу, — и она, повернувшись к нему вполоборота и немного наклонив голову, рукой показала направление.

— А там спросишь бабу Лиду, не обманут, — легонько толкнула в спину. — Если понравится, может, вечером встретимся, — и улыбнулась, уверенная, что ему понравится.

Баба Лида

Баба Лида была совсем не старой. Плотная, аппетитная женщина, сразу располагающая к себе. Улыбнувшись красиво и открыто, по-мужски протянула руку.

— Дочь послала? Что ж, хорошо, комната есть. Надолго?

— Да на недельку, может, больше, если понравится. Хочу хорошо отдохнуть, выспаться. Специально уехал подальше, где и телефон не берёт,

чтобы забыть всё и всех. Походить, помечтать, полюбоваться вашими красотою. Ещё хочу на людей посмотреть, может, пригодится что в работе.

Она посмотрела внимательно на гостя и, улынувшись, спросила:

— Не жену ищешь? Говорят, сейчас модно из деревень далёких неизбалованных брать для жизни... А то горожане всё больше для форсу.

Он засмеялся.

— Нет, жениться мне ещё рано! Для себя надо пожить.

— Да ну вас, для себя, себе, о себе... А потом не знаете, куда деваться... Хватит разговаривать, пойдём, покажу комнату.

Она пошла впереди, уверенно ступая и плавно отводя руку.

Ночью, вкусно накормленный, долго лежал, глядя в белый потолок. За ужином много разговаривали с тётёй Лидой. Узнал много интересного о местной жизни, о людях и судьбах.

— А дочка моя, Оленька, красивая и добрая, хорошей могла бы быть женой. Вот только не повезло ей в жизни, — тётя Лида погрузилась, стараясь улыбкой скрыть настроение, но на его вопрос уклончиво ответила: — Ладно, давай, улаживайся. Если поживёшь недельку, всё узнаешь, не торопись.

...Жизнь! А что я о ней знаю, думал Артём, родившийся и выросший почти без проблем и забот. Девяностые, когда всё вставало, падало и снова вставало, были для него ещё не осознанными. И боязнь родителей за его жизнь казалась тогда чрезмерной и утомительной. Это сейчас, узнав все беды и испытания, выпавшие в то время на плечи отцов и матерей, он почти всё понимал. Но, наверное, не так остро...

Он вдруг подумал об Ольге. Что же она не пришла? Красивая и уверенная, с ясными, блестящими глазами, с лёгкой, почти детской, понятной улыбкой. И с запахом уютной женщины, который засел в его сознании.

“Я ей скажу, что она красивая... Или очень красивая...” — засыпая, он был уверен, что этого ей никто не говорил.

День

Пробудился Артём поздно. В недоумении долго смотрел на листья черёмухи и не мог понять, откуда на шестом этаже черёмуха. Пришёл в себя от голоса, как сначала показалось, тётёи Лиды, но это был голос Ольги. То же спокойствие и с лёгкой иронией красивое, чуть тягучее:

— Со-о-ня, — она приоткрыла дверь и посмотрела, улыбаясь, ослепляя свежестью и чистотой. — Как спалось, неожиданный гость? Что снилось?

— Хорошо, очень! А снилась ты... — сказал он и застеснялся: она ведь явно старше лет на десять, мелькнуло в голове.

Но Ольга вдруг, успокаивая, засмеялась и, сверкая зубами, задорно проговорила:

— Считово, сон в руку. А сейчас вставай, умойся и айда завтракать на веранду.

Гость быстро вскочил и, немного рисуясь мышцами, надел джинсы.

— Можно рубаху не надевать, хочу по пояс водой холодной, а?

Она игриво махнула рукой.

— Давай, по-военному, семь минут.

Он скользнул мимо, вдохнув украдкой аромат весны, идущий от неё, и побежал в сторону реки. Берег, немного с камышом и со следами жизни крупного рогатого скота, плавно уходил в тихо струившуюся воду. Разделся и потихоньку, зайдя в воду по пояс, оттолкнулся от берега и поплыл. Ближе к середине течение было довольно сильное, и, немножко поборовшись с ним, вернулся назад. Выйдя, размялся, поприседал и, несколько раз отжавшись, пошёл обратно.

Деревня уже жила своей полновесной жизнью. Совершенно ясно, что здесь есть какое-то производство. На лошади проехал мужик, с тяпками прошла кучка женщин, за деревней видны тракторы. Но как-то всё не по-настоящему, неторопливо, и коровы чёрными жуками пасутся вдалеке на берегу. Артём понял, что почти всё проспал, по крайней мере, утреннюю деревенскую побудку.

Они постояльца уже ждали, очень похожие дочь и мать. Парень сел и, маскируя смущение, громко поздоровался.

— Да не кричи, родной, все же свои, — тётя Лида, не спрашивая, налила в большую кружку молока. — Чай мы не приветствуем, молоко — вот мужицкое питьё!

Он кивнул, стараясь успокоиться, стал с аппетитом есть. Всё было красиво и вкусно. И тёплые шанежки со сметаной, и печёная булочка, покрытая вареньем, которую тётя Лида называла почему-то “коврижка”.

Поднял глаза на хозяйек. Старшая улыбается, а Ольга смотрит внимательно и оценивающе. Правая ладонь под щекой, левая указательным пальцем ездит по краю пустого стакана:

— Так что ты хотел здесь найти, милый?

Его глупое волнение и так не отпускало, а здесь вообще заволновался.

“Что ж такое? Ольга меня прям завораживает!” — он собрался с мыслями и, стараясь быть спокойным, всё объяснил.

— Мне нужно найти нечто яркое, нетривиальное, выдающееся, написать об этом, и тогда меня возьмут на хорошую работу.

— А странное можно?

— И странное можно, только ничего странного уже в мире нет. Обо всём сказано.

— А вот и нет, — Ольга по-школьному подняла руку. — Я знаю странное!

— Расскажи!

— Я тебе суть расскажу, а уж ты сам потом подумай. Есть у нас в деревне дед Саня, живёт один. Только каждую субботу с утра растопляет он баню, в магазине покупает бутылку водки, а потом целый день стоит у забора один, до вечера. Вечером парится в бане, приходит домой и... всё.

— Что же здесь странного?

— А я не знаю, может, и ничего, вот ты и узнай. Тем более сегодня суббота, его день. Пойдём со мной, поможешь мне ларёк открыть, а я тебе его покажу, когда за водкой придёт.

— Так вдруг не придёт? — засомневался Артём.

— Придёт, обязательно. Это повторяется уже третий год.

Парень не увидел ничего странного, но предложение помочь сыграло главную роль. Они пошли.

Женщина взяла Артёма под руку, как-то незаметно подстроилась под его шаг, и идти с ней было легко и просто.

— Ты, получается, коммерсант местный? — он не знал, как начать разговор, но понимал, что надо что-то говорить.

— Можно и так сказать, только коммерсант так себе. У нас здесь народ не слишком денежный. В основном все на подножном корме живут. Зарабатывают маленько только у фермера местного Миши. Батрачат на него и ещё спасибо говорят. Кто недоволен — тот свободен. Поэтому довольны все...

Пришли. Её ларёк стоял напротив магазина.

— Конкуренция не давит?

— Нет, нормально. Мне хватает.

Она открыла широкие заставы на окнах, метлой подмела перед ларьком и, иронично вздохнув, сказала:

— Вот и всё, теперь ждать.

Он сел в ларьке за прилавок и, не зная, что делать, задавал вопросы. Всякие глупости безразличные, и незаметно добрался до личного:

— Оля, прости, а почему одна?

Словно ожидая этого вопроса, она, внимательно посмотрев парню в глаза, наклонилась, показывая ровные груди в разрезе платья, и приблизила своё лицо к нему.

— Потому. Если хочешь знать, потерпи. Узнаешь.

И, улыбувшись, пальчиком тихонько задела кончик носа. Поймав её за руку, поднялся, оказавшись лицом к лицу. Она смотрела ему в глаза, не пытаясь освободить руку, но подождав несколько секунд, вздохнув, отошла к окну.

— А вон и дед Саня, — прерывая неудобное молчание, кивком показала в окно.

Это был просто пожилой человек: седой, невысокий, даже больше крижистый, неторопливый, явно уверенный в себе. Простая светлая рубашка с узким воротом и длинными рукавами. Широкие серые штаны, заправленные в короткие яловые сапоги.

Дед подошёл к магазину, остановился, внимательно посмотрел в сторону Ольгиного ларька, кивком поздоровался.

— Он же нас не видит, — сумничал парень.

— Не видит, но знает, что я смотрю.

Через пять минут он вышел из магазина с авоськой, в которой лежали булка хлеба, пакет сахара или соли и бутылка водки.

Вечер

У него топились баня, бело дымя чистым берёзовым дымом, блестело окно на дороге, и сам он, как обычно, уже сидел у калитки. Когда Артём с тётёй Лидой подошли к его ограде, он привстал, цыкнув на маленькую собачонку, которая их облаяла.

— Не шуми, Валгуз. Давай людей послушаем.

Он поздоровался, кивнув женщине и пожав руку парню.

— Саня, позволь моему постояльцу в баньке твоей попариться. Нам свою топить сегодня несподручно, а ему с дороги надо обмыться.

— Пускай идёт, пару не жалко, да и вода не куплена.

Дед ещё раз посмотрел мимо них в конец улицы, вздохнув, встал и направился в дом. Артём — за ним, тётя Лида — домой.

Дед разлаписто шёл впереди, разводя полукруг левой рукой и, не останавливаясь, легко заскочил на крыльцо из пяти ступенек. В доме обдало прохладой.

— По жаре так лучше, спится спокойней и голове легче.

Он сел, показав ему рукой на лавку у окна, и несколько минут молчал.

— Жар терпишь? — вопрос был с нескрываемой иронией.

— Да, люблю. У меня самого старики в деревне, так у них банька хороша.

— Хороша, говоришь? А ну, айда мою ценить!

Разделись в предбаннике. Артёма поразило тело деда. Иногда ходишь по лесу и встречаешь такие деревья, невысокие, но дико крепкие, словно витые вокруг ствола верёвками. Вот так и у него. По костям под кожей наплетены мышцы, а по мышцам, как связующие верёвки, — жилы.

Когда разделся, Артём даже растерялся от контраста. Ведь никогда он не был слабым, любил спорт и даже занимался в институте боксом, но... По деду можно было просто читать его жизнь, где каждая удача, добытая тяжёлым трудом, вплетала в тело победную мышцу, а тяжесть этого труда, порой беспощадного и единственно возможного, — упрямую стальную жилу. Однако дед, посмотрев на гостя, одобрительно хмыкнул и, хлопнув по плечу, сказал:

— Молодец.

Он явно понимал, что парень, как обитатель “каменных джунглей”, должен тратить больше времени только на то, чтобы быть похожим на мужчину.

— Пару боишься?

И хотя вопрос был прост и конкретен, он, понадеявшись на свой городской банно-саунный опыт, слукавил:

— Нет.

После предбанника парилка показалась маленькой и очень компактной. И, хотя слишком жарко не было, Артём понял: жарко будет. Веник лежал в глубоком железном тазу, в чуть зеленоватой, настоявшейся воде, а сверху плавали листочки, словно островки камыша в лесном озере. Баня натомилась.

Это сейчас всё чаще молодые да скорые могут затопить баню после работы и через час-два уже мыться. И всё больше именно поэтому не чувствуют всей прелести банного тепла, прогревающего человека насквозь, до костей, до расслабляющей все мышцы истомы. И не понять молодому, нахлеставши

себя “холодного” веником, того блаженства и радости, которую испытывает по-настоящему прогретый и правильно пропаренный человек, упавший в предбаннике без сил на лавку. Не понять, ибо в спешке своей теряет он, непротомлённый до нутра, единство с сутью бани. В сыром пару, лишь обжигающем кожу, не очистишь душу и тело.

У деда баня была настоящая. Он не спеша вынул веник из таза, легонько похлопал по руке, хмыкнул и сказал себе понятную оценку:

— Дошёл!

Артём уселся на верхний полок поглубже, спиной к осиновым стенам, и сразу почувствовал тепло бревна и полка, именно тепло, а не обжигающий накал. Дед взял железный, с деревянной ручкой ковш и, ещё раз взглянув, спросил:

— Готов?

Компаньон мотнул головой. Дед подчерпнул полковничка настоя и плеснул на камни. В бане ухнуло! Вода, казалось, не долетела до камней, а испарилась над ними. В тело ударил жар, пугающе горячий, но быстро отступивший, превратившийся просто в жаркую, ароматную массу. Уши зажгло, парень закрыл их руками и машинально нагнул голову.

— Не суетись, милоч, отступит. Грейся и дыши ртом, нутро тоже тепло любит, — дед навалился на деревянную подставку на полке и закрыл глаза, с шумом вдыхая полной грудью тепло, заполнившее пространство. Минут через пять он приветал и, уже не спрашивая, плеснул ещё полковша. И хотя казалось, что тело привыкло, уши снова вспыхнули, и гость опять, закрыв их, наклонился.

— Вот, возьми, шапку надень, а то облезут.

Артём напялил на себя треух и поинтересовался:

— А ты?

— А мне не надо, я так привычный. Шапку на случай держу, вишь, пригодилась. — Дед снова шумно задыхался.

Так продолжалось ещё минут десять. С каждой поддачей “новичок” наклонился всё ниже и ниже и, наконец, сполз с полка на лавку, не задыхаясь, нет, а прокалившись насквозь. Видя такое состояние, дед спрыгнул:

— Пойдём, отдышимся.

Парень еле выполз. Казалось, что он летит на ковре-самолёте, то падая вниз с замиранием сердца, то взлетая вверх, а сердце, наоборот, заходится в бешеном ритме.

Хозяин налил ковш кваса и, как больному, поднёс гостю. С жадностью выпив, парень снова упал, закрыв глаза. Через минуту покрылся мелким бисером пота, как после дождя.

“Наверное, всё внутри раскалилось, квас даже до желудка не дошёл”, — думал Артём, не чувствуя мышц.

Дед, сидя напротив, с улыбкой повторил:

— Молодец.

Через несколько минут он поднялся и говорит:

— Ну что, пойдём?

Парень не понял.

— Куда?

— Париться!

— Так, а что мы делали?

— Мышцы прогревали, — он смотрел иронично и лукаво, — а сейчас будем душу прогревать веником. Лихо из неё выгонять, чистить, так сказать. Вот потом ты всё и почувствуешь.

— Можно, я попозже?

И дед, засмеявшись, согласился.

Что было дальше, “новичок” не видел. Но в парилке ухала каменка, свистел веник и кричал дед:

— А вот так, а вот сюда, а вот ещё чуть-чуть...

И снова ухала каменка и свистел веник.

— Да не может быть, — Артём поднялся минут через десять, думая, что старый наверняка хлещет полком, смеясь над ним, и открыл дверь.

В лицо ударил теперь уже, действительно, жар, словно горячей вспышкой. Дед сидел на полке и, хлеща себя веником, прокричал:

— Не выстуживай, заходи быстрее!

Парень, обалдевший от увиденного и почувствованного, крикнул внутрь этого горна:

— Нет, хорош! Я пас, — и выпал из бани теперь уже на улицу.

День подбирался. Солнце зашло за край деревни и светило теперь оттуда вверх, а сам горизонт давал уже прохладную тень, ласковую и успокаивающую. Дед сидел напротив Артёма, чистый и побритый, по-старинному в мужских хлопчатобумажных кальсонах, с подтянутым веревочкой животом. Парень уже долго отдыхал в сених на вмятом диване, дед много меньше, но восстановился он явно быстрее. Непонятно, закалка это старая или привычка, но Артём первый раз в жизни видел такого пожилого человека, так парившегося в бане и сохраняющего при этом ясность во всём.

— Ну что, теперь ужин, — он подмигнул и сильно и сухо, но без замаха, хлопнул в ладоши.

Дед сам накрыл на стол. Артём вызвался помочь, но старик не позволил. Получилось, что пришлось просто сидеть и наблюдать. Хозяин пронёс мимо кастрюлю, из которой парило, слазил в погребок, открыв незаметную дверцу в кухне под лоскутным, ручного плетения ковриком или, скорее, ковром. От дыры по ногам пронесло прохладой, а в нос ударил далёкий, ностальгический запах детства, запах бабушкиного деревенского погреба, который она ласково называла “голец”. Дед ещё несколько минут поколдовал и пригласил к столу.

Артём не ожидал! При взгляде на стол у него возникла куча реплик, самой скромной из которых была: “Гениально!”

В центре на широкой тарелке парила крупная, чуть распадающаяся картошка. Вокруг — непредсказуемо живописно — солонина! В цветастой тарелочке наложены пирамидкой присыпанные крошенным луком и приваленные, именно приваленные густой сметаной, лениво сползающей в тарелку, чуть лохматые и ровные, как один, грузди! По другую сторону уже в небольшой, немного меньше половины тазика, железной тарелке — красивые, чуть пупырчатые огурцы с прилипшими к ним листьями смородины и хрена. И на них же наложенные в полкулака, ровные, тёмно-розовые, наполненные соком помидоры. На широкой деревянной доске толсто, в два пальца, нарезанное сало с мясной, в полсантиметра, полоской, с каплями подвальных “слёз”. В плетёной старинной соломенной вазочке с одной стороны — полумесяцы чёрного, с другой — кубики белого хлеба. Около сала — ровная половинка луковицы. Завершала картину запотевшая бутылка водки с содранной этикеткой.

Парень сглотнул слюну и спросил совершенно без интереса:

— Послушай, деда, а что, свежего-то ничего нет? У тебя же полный огород всего.

Дед, махнув рукой, с обидой спросил:

— А это кому? Да и кто водку свежим закусывает, это что, квас на хрену?

Артём, понимая, насколько хозяин прав, уже пристраивался на высокий стул. Дед сел напротив. Он внимательно, чуть прищурился, посмотрел на гостя и непонятно спросил:

— По половину? — и, увидев в глазах вопрос, улыбнувшись, показал на стакан.

Артём с готовностью согласился, накладывая парящий картофель и давая его ложкой, пытаясь размешать со сметаной. Но не тут-то было! Сметана, как кусок белого масла, прочно держалась на ложке, немного стекая на горячий картофель.

— Ты не мешай, ешь вприкус.

Дед подал полстакана водки и, приподняв свой стакан над столом, просто сказал:

— С лёгким паром! — не закрывая глаз, неторопливо выпил и, уколос вилкой лохматый груздь, откусил меньше половины.

Артём тоже вышел. Не по-мальчишески, бравирюя и хыкнув, залпом, а стараясь неторопливо, как бы с толком. Непривычный для него алкоголь обжёг гортань и сразу желудок, поэтому стал быстро есть. Сочетание горячего картофеля, вкуснейшей, хрустящей на все лады солонины, холодного ароматного сала и вдобавок совсем не кислой, а масляной сметаны вызывало вполне определённый, обоснованный восторг. Парень ел всё подряд, повинуюсь только зрению.

Наконец, сбив первый азарт голода и запив немного рассолом, поднял глаза на деда. Он внимательно смотрел и по-хорошему изрёк:

— Молодец.

Налил ещё по половине гранёных и опять, подняв над столом, сказал:

— За жисть!

Кивнув, уже не смотря на него, Артём вышел, непроизвольно передёрнувшись, как от холода.

Теперь он уже ел со вкусом. Например, огурец, надкушенный чуть не наполовину, заполнял рот терпко-солёной свежестью, а опухший помидор, легонько надкушенный сбоку, сладковато-кисловатой пряностью с чуть бьющей в нос горчинкой.

Дед ел мало и улыбался, радуясь аппетиту гостя. Артём, оторвавшись от еды, откинулся на спинку стула.

— Знаешь, дедусь, вот сейчас понимаю, насколько вы счастливее здесь, со своей настоящей едой, которую делаете сами, с совершенно нерешаемыми трудностями, которые решаете, с болезнями почти неизлечимыми, но с которыми вы упрямо живёте! Насколько вы счастливее нас, всего лишь с одной нашей городской суетой. Всего лишь с суетой, не говоря о других трудностях.

— А не суетиться нельзя?

— Вот нельзя, хоть верь, хоть нет, затягивает, не отпускает. Потом уже и не думаешь, смотришь — бежишь вприпрыжку за трамваем; не хочешь, а подталкиваешь впереди стоящего; даже не думал, а грызёшься с кем-то просто так! Спать падаешь и дела на завтра по очереди расставляешь, потом боишься, что всё за день не успеешь, и не спишь всю ночь. Утром встал и поскандал суетиться, чаще всего зря. Ведь всё терпит, остановись, осмотришься — но нет! Нельзя! А почему? Да потому, что все бегут...

Он замолчал, задохнувшись словами. Дед молча доразлил водку и, подняв снова первым, внятно сказал:

— Теперь давай за тех, кого нет... пока. Но которых надо ждать.

Артём не понял, но, уже не ощущая вкуса, выпил.

Разговор

Дед смотрел на парня и молчал. Какие-то свои мысли морщили его лоб и не давали сейчас покоя.

— Послушай, — он привстал над столом, — а как ты, как мужик?

Вот те на! Гость растерялся.

Дед рассмеялся:

— Ты мне нужен как настоящий мужик, с женщиной... Сможешь? — он стал вдруг угрюм и серьёзен, сжав добела кулак на скатерти, — с женщиной, чтобы родила она потом, понимаешь?

— Нет.

— Ну, и баран, — упрямая морщина пересекла переносицу, — ну-ка, садись, давай на руках.

— Интересно!

Артём — не самый слабый с курса, и на руках боролся часто. Поэтому, не боясь, сел и поставил со знанием дела свою руку напротив дедовой. Дед поставил свою, но она оказалась намного ниже. Не смущаясь, он подложил под локоть левую ладонь. Теперь нормально, кулаки почти вровень.

— Ну, тебе же трудней так, у меня же упор будет, у тебя нет, — Артём представлял, насколько трудней так бороться.

— А ты попробуй, потом умничай.

— Ну ладно.

Удобно сев, расставил ноги под столом, расправил плечи, левую руку положил на стол. Взявшись за ладонь, почувствовал сразу беспощадность и безысходность силы деда.

— Раз, два, три. Начинай!

Дед нарочито шевельнул рукой, парень напрягся и растерялся. Рука стояла мёртво, как вваренная сварщиком в стол труба. Артём ещё напрягся и, немножко задавливая правое плечо, попытался нажать сильнее. Дед спокойно, как пионер на уроке, смотрел на него со своей прямой рукой. Парень приослабил — дед не давит, парень нажимает — дед не шевелится.

— Всё? — глаза его хищно блеснули, витые мышцы чуть вздулись, и рука Артёма беспомощно упала, прижатая дедовой. — Как же так, — он сурово смотрел в упор, — ты что, руками не работаешь? Почему у тебя они как ватные?

Старик сидел напротив, облокотившись на стол и долго смотрел Артёму в глаза, пытаясь, наверное, узнать то, чего парень сам не знал.

— Я, дед, журналист. Быть стальным мне необязательно, мне писать надо правильно, — и уже громко, — в общем, говори, что хотел, и я пошёл спать.

— Хорошо, — дед привстал, открыл шкаф, достал начатую бутылку, — выпьешь?

— Нет.

— А я выпью, а следующую баню пропущу.

Он налил немного, выпил и заговорил.

— Понимаешь, сын у меня был, точнее есть. Фёдором зовут. Фёдор Александрович, — на глаза его накатились слёзы, — но ушёл он на вторую чеченскую и не вернулся. Не погиб, а просто не вернулся, где-то чем-то занят... — он замолчал, вытирая глаза скатертью.

Воспоминания и несомненная боль сразу сделали из него немощного старика, какого-то маленького и беспомощного.

— Он придёт, но мне-то скоро помирать, а внука нет. Нету! Кому всё оставлю? — он смотрел теперь опять в упор уже сухими глазами. — Не думай, я не дурак и не пьяный. Внук будет! У него осталась здесь девушка, она его любит до смерти. И поклялась ждать, сначала ему, а когда пришла бумага — мне, глупая. А теперь не хочет клятву нарушать, да оно и не с кем. Но я-то понимаю всё. Ещё пройдет немного времени, и она уже не сможет родить, а внук нужен. Помоги. А Фёдор придёт, я сам, если что, с ним поговорю... — он опять затрясся в плаче, стягивая со стола скатерть.

Артём, растерявшись, подошёл, взял бутылку и, налив, выпил.

— А она?

— Кто?

— Девушка?

— Я ей скажу, согласится. Ей самой надо. Ты пойми. Пойми, сделай и уйди. А остальное — наша забота.

Парень сел на диван, отвалился и закрыл глаза. Дед ещё долго сидел за столом, оперев голову на стальные свои руки и, вздыхая, молчал. Ночью, очнувшись от короткого сна, Артём собрался и, уже уходя, услышал в спину: “Помоги!”

Дойдя до тёти Лиды, он с удивлением спокойно открыл дверь и вошёл. Только пробираясь через кухню, “до звёзд” ударился об открытую дверь своей комнаты, за что был назван, как оказалось, не спавшей хозяйкой слонем. С трудом сдерживаясь, чтобы не закричать от боли, растирая уже опухшую бровь, скинул джинсы и нырнул под прохладное, но мягкое одеяло.

Ольга

“Ты куда лезешь? Куда лезешь?” — это они ему кричат оттуда.

Артём наклоняет голову и с короткого разбега в два-три шага бьёт головой в ворота. Бум — искры из глаз, бум — опять искры и боль... Ворота проламываются, и он падает лицом в прохладную лужу, умиряющую боль...

— Бедный, больно?

Артём открыл глаза, на лице — прохладное, мокрое полотенце и руки, незнакомые, но до слёз родные, легко плавающие по волосам. Он их ловит, останавливая на лице и, не зная, что сказать, прижимает к губам. Они замерли на секунды, оторвались от лица и...

— Поспи, ещё очень рано. Приду кормить тебя завтраком.

Лёгкий шорох, чуть скрипнули половицы, и... крепкий, спокойный сон.

Пробудился Артём совершенно выспавшимся. До хруста напряг мышцы, почувствовав заметную боль в правой руке: “Значит, не сон!”

Соскочил и, подойдя к старому, полукруглому зеркалу, увидел блудного юношу, с опухшей после гулянки физиономией и ярким, как говорил Жеглов, бланшем вдобавок к тёмной полосе на брови.

— Вот это распечатался, мог и убиться, если бы быстрее шёл, — пошутил парень и пошёл умываться.

Утренняя прохлада уже сменилась лёгким теплом. Солнце, совершенно не смущаясь, смотрело на землю ласково, по-матерински нежно. Пройдя через двор, Артём зашёл в открытую баню и, приоткрыв кран на печном баке, с удовольствием по поясу ополоснулся. Немного нагнувшись, чтобы не удариться ещё и в бане, вышел и столкнулся с Олей. Она ждала его с полотенцем в руках. Хотел взять, но она остановила и, кинув на плечи постояльцу, стала вытирать мягкими крыльями его лицо, волосы, грудь. Молча, но так просто и по-домашнему, как будто делала это всегда, уже долгое время. Опять, как и ночью, взяв её за руки, остановил, и теперь, глядя уже в глаза, целовал открытые тёплые ладони, с умилением и восторгом слушая чуть смущённый шёпот:

— Ах, не надо, прошу. Что ты? Не надо, — и закрывала глаза с трепещущими ресничками, немного прижималась волнующимся телом.

Непередаваемый восторг от этого, казалось бы, простого сближения, ещё не физическое, но уже и не платоническое влечение, не явное, но уже согласие захлестнуло и опьянило рассудок Артёма. Потянулся к её лицу и, уже чувствуя сладковатый запах губ, вдруг услышал звонко и громко:

— Молодые, завтракать!

Оля вздрогнула всем телом, отшагнула и, быстро отходя, вдруг сказала: — Вечером.

За столом было опять вкусно и красиво. Баба Лида, видя лицо Артёма, смеялась звонко, как деревенская пастушка, и комментировала увиденное, как знатный сатирик.

— А я думаю, что это? Кто бы с дедом в баню ни пошёл, того из бани еле выводят. Ведь это он их ковшом в лоб, ха-ха, ай да старый! Банного здоровья не хватает, так он банным ковшом дорабатывает! — и она, зажигая задором, весело смеялась.

Гость не оправдывался и ел молча, глядя исподлобья на гладко вытирающую из открытого сарафана Ольгину грудь. Она, заметя это, переставила к лицу маленькую вазочку с лохматыми, как бабочки, цветами и просидела так весь завтрак.

Потом она ушла на работу, а молодой журналист остался “на хозяйстве” с тётей Лидой, которая вдруг решила взять его в оборот. Оказалось, что коровы у них нет, потому что “двум бабам” трудно её прокормить, зато есть дойная коза, молоко которой меняется один к двум на коровье у соседей. Но стайка уже старая. Поэтому козу надо вывести на луг, а стайку к вечеру справиться. Сама же тётя Лида заниматься будет “бабским делом” — консервировать разные варенья. Парень был согласен, лишь бы день скорей прошёл. Получил молоток, топор — что-то среднее между колуном и плотнички-ким, — ножовку и гвозди.

Длинные доски лежали у сарая. Когда Артём зашёл в сарай, коза спокойно подняла голову от ведра с непонятными вкусами и, не переставая криворотом жевать, с презрением на него посмотрела.

Минуты две присматривались.

— Пойдёшь гулять? — спросил он.

— Мееет, — протянула коза.

— Пойдём, прошу, мне тебе надо ясли сделать, — и он, вытягивая руку и ласково чмокая, стал крадучись к ней подходить.

Коза, растопырив ноги, тянула морду, смешно морща нос. И когда его пальцы оказались около её челюсти, не больно, но быстро вдруг укусила. Парень вскрикнул от неожиданности, отскочив и ударившись о дверь, выпал на улицу.

На улице его встретил хохот наблюдавшей за происходящим тётки Лиды. Она смеялась долго и задорно, по-девчачьи отклоняясь назад и прижимая рукой живот.

— Ты что так прёшь?! Это же не девка, а коза, с ней хитро надо и спокойно. А на чмокание ты девиц подманивай глупых, деревенских... — и она смеялась.

В общем, “умную” козу она увела сама, и помощник приступил к делу.

Вспомнил дедовский сарай, собранный компактно и правильно, и, немножко подумав, сколотил довольно удобный и практичный загон, с отдельными яслями для сена. Вкусно и сытно накормленный, днём обедать он не захотел, и, только раз напившись молока, к вечеру всё закончил. Выйдя во двор, увидел уже пришедшую домой Ольгу, слушающую весёлый рассказ матери. И, когда они похоже засмеялись, понял — про него.

“Ну, и ладно, победителей не судят!” — пошёл мыться в подтопленную тёткой Лидой баню.

Думал об Ольге. В голове вертелось, что скажет она ему и что он ей ответит.

“...Или лучше вынесу из пожара, который случится почему-то, вынесу мать, её и... Нет, лучше сначала её, потом мать, и до кучи — козу! Но все останутся живы, здоровы и счастливы. Потом ещё построю им дом, красивый, с огромной мансардой, и все вокруг будут восхищаться домом! Нет, лучше мной, мастером!” — Артём поймал себя на мысли, что улыбается, как дитя, щупая рукой опухший лоб.

Потом встал, чуть согнув шею из-за низкого потолка, втянул живот и, приподняв локти, напряг мышцы: “Ничего, пойдёт!”

Вытерся и, натянув джинсы, пошёл в дом.

Ольга сидела за собранным на ужин столом, матери не было. Видя немой вопрос, объяснила, что ушла проведать сватью.

Сел за стол, чувствуя, как ходуном ходят руки. Что же это? Он приподнял плечи и посмотрел на Ольгу. Она сидела напротив. Красивое, простое лицо, тёмные глаза с чистым блеском, смотрящие вглубь, чувственный рот с чуть полными губами, улыбающимися маняще и лукаво.

— Красивая?

— Что?

— Не что, а кто! Я?

— Ты... Да. Очень красивая. Очень-очень!

— Дак почему молчишь, не скажешь?

— Говорю... — юноша потерял от волнения голос и последние слова уже шептал.

— Ну-ну. Мало вас, кто сказать может. Очень мало. Что-то думаете, мучаетесь. А от вас ждут слова, одного или лучше трёх. И всё бы вставало на место. Но вы мучаетесь и мучаете, потом уходите, а вас любят... — она плавно обошла стол и, присев на его край, тёплой рукой подняла лицо парня вверх. — Ау, тут вам женщина в любви объясняется.

Артём вскочил и, схватив её со стола, стал целовать, стораая от желания. Ольга обняла его скрещенными руками и целовала глубоко и искусно, успешная говорить тихо и понатно:

— Пойдём ко мне, мать не придёт, я просила. Только ты и я.

Увидев его состояние, она разделась сама и, ослепительная в женской, истомлённой желанием красоте, помогала, смеясь, ему. И когда тела их прикоснулись, а руки её прижали парня к себе, он с содроганием простонал...

Ничего не получилось. Артём чуть не заплакал от стыда и обиды. Но она, гораздо умнее и лучше, чем он думал, держала его крепко и успокаивала:

— Всё хорошо, милый, хорошо! Эта слабость сильного мужчины, всё сейчас будет, всё... всё...

Он поднял её на руки, а она, как-то удобно подогнув ноги, повисла на нём, он нёс её по комнате и целовал запрокинутое лицо. Потом упали в расправленную большую кровать. Ему казалось, что побелели от зависти и без того белые простыни. Её тело, тело созревшей женщины, с чуть широкими бедрами, впалым животом и крепкими, полными жизни, грудями, и плавная шея с голубенькой жилкой, и лицо, вдруг навсегда любимое, и губы, побледневшие от желания и страсти... И сила его, желание и страсть были именно такими, как хотела она. Вместе с непередаваемым чувством он потерял ощущение времени... Затем, опомнившись, не в силах найти слов, просто выдохнул, не зная ничего более существенного:

— Я люблю тебя, Оля!

Болезнь

Артём проснулся больным. Эта ночь впервые в жизни по-настоящему прирастила его к женщине. Ольга ничего не говорила, но с каждым движением, жестом, вздохом, стоном и, конечно, взглядом, бесповоротно забирала его... Когда она сказала, что нужно идти в свою комнату, он растерялся.

— Оля, волшебная, я хочу остаться с тобой навсегда, и здесь, и там, везде. Хочу, чтобы ты была моей, женой, любимой, единственной... — ему вдруг захотелось плакать от обиды, боясь, что она не понимает.

Но нет.

— Артём, — отвыкший от своего имени, он вздрогнул, — давай не сразу всё, давай подумаем, — она встала, светясь в проёме окна бледным светом, накинула через голову ночнушку и, взмахнув волосами, повторила:

— До завтра.

Парень ушёл к себе, не найдя нужных слов и страдая от этого...

Утром он встал, умылся, не глядя на тётю Лиду, позавтракал и ушёл на берег. Ручка и тетрадка, взятые с собой, опять не понадобились. Целый день, с часовыми промежутками, ходил около центра деревни и, не выходя на открытое место, наблюдал за её ларьком, болезненно волнуясь, когда туда заходил покупатель-мужчина.

Ближе к вечеру его терпение лопнуло и, быстро пройдя через небольшую площадь, он зашёл к ней и прижал дверь спиной. Она подняла глаза и, оторвавшись от бухгалтерии, подошла и поцеловала, долго и глубоко, закрыв глаза и сжав его волосы и уши. Посмотрев в лицо, сказала:

— Ночью приду. Через окно. Жди...

Он вышел на подкошенных ногах и почти бежал домой, ругая себя за плохие мысли.

Дни потеряли смысл. Влюблённый жил ночами, думал о ночах и ждал их, как праздника. Она приходила, и забывалось всё, переворачивалось с ног на голову, а мысли принадлежали только ей...

Время, данное Артёму Иваном Силантьевичем, давно вышло. Он написал телеграмму и отправил с почты. В ней наврал с три короба о гениальных работах и статьях, которые пишет в этой глуши. Ответ был исчерпывающе лаконичным: “Ну-ну. Жду. И. С.”

Предназначение

Однажды утром Артём, почувствовав на себе чей-то взгляд, с трудом разорвал сон и, открыв глаза, обалдел. Напротив на табуретке сидел дед Саня, с улыбкой и вниманием глядя на парня.

— Дошёл! Вот ведь жизнь деревенская, трудная. И с лица схуднул, и потемнел что-то. Не хвораешь?

— Нет. Всё хорошо. — Артём сел на кровати и, подобрав ноги, спросил, зачем тот пришёл.

Дед, ещё сильнее улыбаясь, махнул рукой.

— Да ладно, что там. В общем, хорош. Ты свою миссию, так сказать, выполнил. У неё всё получилось, и теперь тебе пора уезжать.

— Что получилось, у кого?

— Как у кого? Помнишь наш разговор? Это про Олю, про нашу, мою Олю.

Улыбка сошла у деда с лица, и неровная краснота полезла с небритых щёк на лицо.

Бессонницы последних ночей, постоянные нервные мысли об Ольге, просто моральная усталость сразу и резко дали о себе знать. В груди нудно задало, противно застучало в висках. Он откинулся на стену и, еле сдерживая гнев, сказал:

— Уйди, дед. Она придёт, и всё решим. Уйди, прошу...

Дед, расковрячившись, повернулся и, сжимая кулаки, ещё раз сказал:

— У неё есть жених, он скоро придёт. Помни наперёд... — резко развернулся и, легко протопав по комнате, вышел.

Память?

Почти сразу пришла Ольга. Она села перед ним, как перед больным, и, улыбнувшись, сказала:

— Дед Саня к тебе послал. Говорит, разговор у тебя есть.

Он, еле сдерживаясь, чтобы не упасть перед ней на колени, кивнул.

— Нет, разговор у тебя. Я слушаю.

Она сжала коленями сложенные вместе ладони и, не смотря на него, заговорила:

— Мне было двадцать, когда мы встретились. Ему двадцать пять. Он молодой военный, лейтенант. Любовь утопила нас, но он уехал по распределению, обещав приехать за мной. Только началась война, и его судьба — защищать родину — победила судьбу любить девушку. Но он всё равно вернулся. Раненый герой, отпущенный домой на побывку. Счастью не было конца. Федя носил меня на руках ночи напролёт, он читал мне стихи великих поэтов, он любил меня, заставляя забывать всё. А я ходила за ним тенью, болела его ранами и читала молитвы над его головой. Я жила только им, ни о чём больше не думая. Но раны его затянулись, руки окрепли, и он снова пошёл. Пошёл на вторую войну, которая, как говорили, уже не страшная. Я поклялась жизнью ждать его, повесив на грудь ему свой крестик. И он ушёл. Потом пришло одно письмо, а потом бумажка, что он пропал. Нет его ни живого, ни мёртвого. И уже почти четыре года!

— А я?! — вдруг громко вырвалось у Артёма из горла, как будто крик проснувшейся голодной вороны.

— А ты, — она подумала, — ты хороший и красивый. Только я тебя не люблю. Я его люблю. И когда твои руки обнимали меня — это были его руки. И губы — это его губы. И имя твоё — чужое мне...

— Так для чего же всё? — он закричал, как больной, с визгом.

— Ты знаешь. Дед сказал. Только не допрашивай меня больше, и останешься в памяти моей настоящим, честным человеком. Как дед говорит — мужиком. — Ольга встала, подойдя, знакомо поцеловала прямо в губы. — Уезжай, пожалуйста...

...Он ушёл утром. Ранний сентябрьский день, не торопясь, будил лес. Тяжёлые мохнатые сосны встречали солнце спокойно и мудро. Озябшие, боязливые осинки трепетали успешными уже ярко пожелтеть и даже покраснеть тонкими листиками. Тяжёлые красавицы берёзы как бы вздыхали, покачивая сверху вниз тоже уже не зелёными, прогнутыми ветками. Блудливая кукушка ни с того ни с сего начала торопливо считать года, но суетливый дятел, забарабанив в сухой ствол, сбил её после пяти.

— Вот смотри ты — оголодал! — цыкнул на него Артём и последний раз обернулся на затянутую туманом деревню.

Извещение

“...Ваш сын, гвардии капитан Степняк Фёдор Александрович, 9 августа 2000 года при боевых действиях по уничтожению незаконных бандформирований под селением Сержень-Юрт Аргунского ущелья пропал без вести...”

Свидетельство о рождении:

“Степняк Фёдор Фёдорович
Родился 9 июня 2005 года
Деревня Задел, N-го района
Мать: Степняк Ольга Ивановна
Отец: Степняк Фёдор Александрович”.

РОДНАЯ ДУША

Скорый осенний, конца октября, день торопит хозяев с управой, хотя понятно, что, если дашь корове корма на ночь рано, она его к полуночи и съест. Значит, ни свет ни заря уже базлает в голос: оголодала! Но очень не хочется мужику лазить по темноте вокруг сараев, поэтому сдвигает умный хозяин постепенно время управы на более раннее. А в пять утра засветит одну лампочку, подвинет по длинным яслям надёрганное из большого зарода с вечера сено и бежит в тёплую хату докемарить часок вдогон.

Вот и Иван Сергеевич, торопливый, негромоздкий, потому немного сутеный мужик, управлял своё хозяйство по раннему, осенне-зимнему времени. Живущий теперь один в своём, а ранее отцовском доме, хозяйничая, он разговаривал вроде сам с собой, но нет: со всеми, кто слышит. Сейчас он негромко говорил с коровой, которая стояла, насколько позволяла привязь, в стороне и смотрела огромными чёрными глазами именно на хозяина.

— Вот и я про то... Время попутали, теперь с полудня ночь... не в моих силах поперёк делать... Продаваю же тебя, как и летом, в одно время, так что молчи уж, без тебя тошно! — ворчал хозяин.

Молчаливая и без того корова хлопала большими ресницами, борясь с желанием вылизать хозяйскую “управную” фуфайку, пахнущую домом и немного даже хлебом. Ванька, закончив с кормом, приобнял любимицу за морду и, почесав ей шею, двинул дальше, по “ранжиру”.

На втором месте была средних размеров собака, сука Весна, которую он нашёл два года назад в апреле щенком, брошенным у большой мусорной ямы. Маленький пушистый комочек топтался на вытаявшем из снега островке соломы и уже не звонко поскуливал от страха. Увидев мужика, щенок кинулся к нему через снег и прилип к ногам, отчаянно пытаясь доказать, что он любит их, эти ноги, вместе с хозяином. Свалив мусор в отвал, Иван поднял живой комочек и, засунув в пазуху, понёс замолчавшего щенка домой.

Теперь это была взрослая, любящая и подчиняющаяся хозяину собака, понятливая и верная. Будка её стояла как раз в центре уличного перехода из сарая в сделанный полуземлянкой куриный зимний лабаз. Он обязательно, проходя несколько раз за день мимо неё, останавливался и чесал ей за ухом или гладил по спине, а ласковая дворняга потягивалась и задирала вверх благодарную морду.

— Что, Весна, скоро зима? — спросил Иван каламбуром.

Собака, переворачиваясь пузом вверх, была с ним согласна и на своём языке повизгивала: “Да, хорошо, пускай зима, ты с кормом не опаздывай и на ночь иногда отпускай, лёгкие прочищать бегом!” Иван Сергеевич всё это понимал и делал беспрекословно. Оторвавшись от Весны и уже почти войдя в сарай к курам, услышал:

— Отец! — Иван узнал дочь и, придавив дверь, остановился, ожидая.

* * *

Рая подбежала встревоженная и, не зная, как начать разговор, волнуясь и перепрыгивая с темы на тему, не поднимая глаз, начала:

— Ты почему телефон не носишь в кармане? — и, не ожидая ответа, продолжала: — тебе все звонят, не могут понять, где ты, что ты, как с тобой...

Отец, улыбаясь, подтвердил:

— Ну да, так и есть. Он, бедолага, дома лежит, меня зовёт, плачет, а я вот тут с животными всё... Кому я нужен-то вдруг?..

— Кому-кому... — дочь подняла глаза с тяжёлыми, тёмными от краски слезами и прокричала: — Дядя Коля умер, сегодня или вчера, не знают. Смотрят, дыму из хаты нет, зашли, а он лежит на диване, холодный...

Иван, оглоушённый известием, ещё недопонимая, переспросил:

— Кто смотрит?.. Где лежит?.. Как это?.. — он сморщился и, заплакав, пошёл в сторону дома, забыв о дочери. — Я ему вчера звонил... или позавчера. Всё хорошо, говорит, в гости приезжай, на ноябрьские, говорит, посидим вдвоих, по-братски...

Перед домом он перешёл на бег и, заскочив на крыльцо, хлопнул входной дверью. Рая растерянно постояла и, продолжая тихо плакать, пошла из ограды.

* * *

В избе на кухонном столе лежал телефон.

Какое-то время назад — год, может, два, а может, и больше, — Иван утратил азарт жизни, давно оставшись один, так и не решившись что-то начать сначала. Первое время, после развода с женой, прилежно участвовал в жизни детей: помогал им в чём-то, старался находиться на виду. Он был совершенно уверен в том, что всё, что осталось с ним, будет потом востребовано детьми, как это было раньше у его родителей и у родителей его родителей. Испокон веков! Но сын, окончив институт, улетел служить на север, дочь вскоре вышла замуж и занялась своим с мужем хозяйством. А он, надеясь на свою обязательную нужность, звонил, спрашивал, как дела, чем помочь, что для них сделать. Но всё больше и больше понимал, что его советы не очень-то нужны взрослым уже детям, его переживания не интересны и не укладываются в “новое понимание жизни”... Так однажды сказала ему дочь, уставшая от внимания одинокого отца, не поняв, что теперь именно ему это нужно. Иван, смутившись от правды и даже обидевшись, стал звонить реже, потом ещё реже, потом ещё...

Что удивительно, но и сын словно не заметил этого и, как бы радуясь звонкам отца, сам не сообщал о себе до тех пор, пока, соскучившись, отец не отбрасывал гонор и не набирал снова его номер. И опять: “Привет — привет... Как дела? Звони...”

Он отстранился... Жил теперь только для себя: подрабатывал сторожем в недалёком детском санатории, завёл скот и полностью отошёл от другой, не совсем понятной ему жизни. Странно, но всего в двенадцати километрах от него, точно так же, почти по одному сценарию, жил, а теперь вот и умер его старший брат Николай.

* * *

Иван взял телефон и нашёл последний звонок брату. Оказывается, разговаривали они почти два месяца назад, точнее — месяц и двадцать пять дней! Сомневаясь, снова пересмотрел вызовы и, ужаснувшись, выдохнул:

— Вот как... Думал, это дня три-четыре назад было, и разговор даже помню...

Он, оправдывая себя перед самим собой, стал вспоминать, перебирая возможные темы общения. Но нет, не помнил! Кроме, конечно, трёпа о том, что всё более-менее хорошо... И кажется, брат жаловался на боли в кишках

да на слабость непонятную. А он, Иван, посоветовал травки какой попить да курить бросить обязательно, совсем... Но это он говорил Николаю всегда, чем часто вызывал его гнев: “Курю, значит, надо!..”

Ну, а больше Иван не помнил ничего, и это, именно это злило его до слёз: “Как же так, ведь столько можно поговорить, пообщаться. Времени же много свободного. И съездить можно, сел на велосипед и через два часа там, а то и меньше...”

Он растерянно вспомнил, что брата уже нет, отчаянно опять заскулил:

— Да быть не может... Что с ним делается, совсем же молодой... — и плакал, стоя посреди дома, забыв снять верхнюю одежду.

Через минуту, словно опомнившись, побежал к соседу через дорогу. Тот, выслушав, так же удивлённо воскликнул, что, дескать, совсем молодой же брат. Потом смутился и пообещал, что по хозяйству поможет управиться, а баба его корову подоит, сколько надо будет.

Иван вернулся домой и сел на табурет посреди комнаты. Мысли лезли одна на другую: “Как быть сейчас?.. Кто с ним?.. И одеть надо... Помыть...” Эта растерянность, точнее, потерянности от незнания последующих действий пугала, хотя Иван понимал, что именно он сейчас судьбой и жизненным законом поставлен главным в этом скорбном ритуале.

Резко вскочил и, протопав в спальню, вытащил из-под белья в шкафу семнадцать тысяч рублей. Всё, что было из денег вообще. Открыв платяной шкаф, снял свой “германский костюм”, купленный уже лет десять назад по глупому пьяному куражу. Костюм, в который он, по хмельной дури, всадил заработанные на калыме деньги, счастья ему не принёс. Жена, и так его совсем не любившая, получив такой повод, тогда и ушла с “чистой совестью” к их общему знакомому, которого, оказывается, наоборот, давно любила. Со зла Иван нарядил в костюм огородное пугало, чем рассмешил всю деревню. Но маленькая совсем ещё дочь по сумеркам сняла “германца” и спрятала в бане. Потом он успокоился, и костюм занял своё постоянное место в шкафу, “до поры”. И вот пора пришла...

Иван опять сел.

“Как же всё так? И теперь кажется, скажи мне месяц, неделю назад, что такое случится, я бы к нему бегом убежал. Я бы с ложки его кормил, горшок выносил и мыслью не показал недовольства или усталости... Да я бы... Как так, брат... что молчал?” — слёзные спазмы накатили опять, он стряхнул их рукой и, встав, посмотрел за стекло, ткнувшись с ходу в него лбом. За окном была ночь. Он что-то вспомнил и, взяв телефон, защёлкал кнопками. Наконец поднёс к уху.

— Сосед, привет, — он называл соседями всех, не пытаясь вспоминать имена, и такое обращение вошло в привычку. Его узнавали, так было проще. — Мне надо в соседнюю деревню, брат у меня помер, помоги, — потом послушал, приоткрыв рот, и продолжал: — Никого нет там. Я вот и хочу, что-то надо делать...

Снова слушал и говорил:

— Вышил?! Вот беда... Ну ладно, сейчас Фёдору позвоню, может, он...

Опять тыкал и, набрав, долго ждал. Услышав ответ, теперь назвал имя:

— Федя, помоги горю, довези до брата, очень прошу. Да, туда... Какая ночь? Время шесть! А, ночь, что света нет? Ну, ладно, извиняй.

Иван, глядя на телефон, говорил сам себе:

— Как случилось, так и случилось. Меня никто не спросил-предупредил, что такое приключится...

Оглядев комнату, снял с вешалки подаренный зятем яркий молодёжный рюкзак и, уже не останавливаясь на раздумья, сложил в него аккуратно свёрнутый костюм, деньги — в крепкий, плотно закрывающийся кармашек и, хмыкнув, застегнул его. Снял грязную одежду, переделся в подходящую, ещё раз осмотревшись, погасил свет и вышел.

Он решил ехать к брату на велосипеде, о чём рассказывал Весне, та стояла, натянувшись на цепи, под тусклой лампой, освещавшей часть ограды и сарай, и внимательно слушала, поворачивая морду вслед его движениям.

— Оставайся за хозяйку. Сосед придёт управляться, не бузи, надо. Когда вернусь, не знаю, так что... так.

Иван выкатил велосипед, надел поверх спортивной шапочки фонарик и, засветив его, покатил по непьюльной осенней дороге из деревни.

Часа через два он подъехал к дому брата — в окнах и открытых сенях горел свет. Поставив велосипед, Иван с трудом, оттягивая секунды страшного и нежелательного, но упрямо вошёл сначала в сени, уловив запах покойника, а затем в дом...

Брат лежал в главной комнате на невысокой широкой лавке, которую сам и сделал в хозяйстве, чтобы “посидеть вечерком”. Иван, не видя находящихся в избе людей, прошагнул к покойному и, уже не сдерживая себя, наклонившись к его лицу, заплакал. Брат, по-живому улыбаясь чуть посеребрившими губами, не открывая глаз, молчал.

Только сейчас он потерял надежду, какая теплилась в нём весь вечер... Брата больше нет...

* * *

На третий день вечером Иван сидел в братовой, прибранной после поминок комнате с соседом и как бы другом покойного. Тот, хмельной, возмущённо рассказывал:

— Почему тебе не сообщил, не знаю... Это же у него месяца три-четыре продолжалось, может, чуть боле... Оно, конечно, жажда, и раньше, — сосед сделал “умное” лицо с широко раскрытыми глазами, задержав для солидности речь, — но именно тогда брата твоего первый раз загнуло. Я-то смотрю, его нет целый день. Зашёл проведать: лежит Колян, глаза в слезах. Ни, говорит, ходить не могу, ни есть, ни даже сидеть. Как с вечера скрутило кишки, где-то там, внутри, чуть справа, пал на кровать и встать уже не получается... Я-то про “скорую” заговорил, он отнекался. Отлежусь, само, мол, пройдёт... И то правда: через день, вижу, вроде как ходит по двору, рукой махнул, ну, значит всё в норме. Скока-та время прошло, сам ко мне притопал и рассказал, что в больницу поедет... Кто-то ему сказал, что надо кинокамеру проглотить, зонд такой — и всё будет понятно про его боли.

Иван внимательно слушал Колькиного друга, но не мог понять, почему же ему, брату, тот не сообщил о своих проблемах. Он даже представил, как брат ему звонит и говорит о болезни. А он, Иван, срочно приезжает и помогает Кольке!

— Стоп, стоп... Да ведь звонил же Колька, рассказывал... А я что сказал: попей травки, полежи, всё пройдёт...

Иван понимал, что именно он отбил желание брата обратиться к нему за помощью. Именно он, слыша в его словах осторожную просьбу о содействии, сразу начинал рассказывать о своих трудностях, требующих постоянного присутствия дома, на хозяйстве... А тот, послушав, как тяжело со скотом и другой живностью, помолчав, заканчивал: “Ну, хорошо, позже созвонимся... Бог даст, подправлюсь, в гости приеду, подмогну чего...”

Отчётливо всё это сейчас вспоминая, Иван не понимал себя, и, не найдя оправдания, вслух вскрикнул:

— Вот сволочь!

Хмельной сосед замолчал и вопрошающе смотрел на мужика.

— Это я себя так. И что же происходит, ведь не слышим уже друг друга, даже в беде. И я тоже, гад занятой...

Колькин знакомец растерянно молчал, глядя на надкушенный кусочек колбасы в руке. Потом, вздохнув, выпил рюмку водки и, доев колбасу, тёр ладони, вгоняя жир в кожу.

— Через несколько дней он приехал: я с вечера свет в избе заметил. На следующий день пошёл к нему узнать, чё да как... Пришёл, а брат твой злой, как собака, молчит, но я-то его знаю... Ну, выставил свою на стол. Он, правда, закусить достал, сала порезал, хлебушка... По одной выпили — молчит, по второй — молчит, после третьей прорвало Кольку. Вот чё рассказал

мне твой брат о болезни. Только опуцу не основное, — сосед глубоко вздохнул и уверенно начал. — Как пробиться к врачам, ты сам знаешь, если хоть раз болел. А если нет, узнаешь, что, конечно, не дай Бог никому, — расчувствовавшийся сосед перекрестил себя собранной ладонью и продолжил...

* * *

Колькин рассказ о болезни, переданный соседом брату Ивану:

“...И вот назначили главную процедуру, как называется, не разобрать, но суть — в нутро заглянуть! А чтобы это сделать, надо и желудок, и кишки очистить от содержимого, что уже довольно трудно. Врач, когда узнал, что живу я за сто вёрст от города, скумекал и решил меня на два дня в амбулаторию определить, чтобы, вроде, без суеты. С вечера поел я как положено: с собой в город брал и сала, и яиц варёных, и творога солёного с луком! Налупились, по крайней мере я, от пуза с соседями по палате, а в ночь, часов в десять, заходит девочка — медсестра в белом! Прочитала мою фамилию на листочке и говорит: “Вам есть на ночь нельзя! Утром клизма”. Во как! Я, чтобы её не расстроить, пообещал не есть, а сам-то — под завязку. Ну, ладно, думаю, как-нибудь уж... Утром будит она меня и повела в другую комнатку. Там приказывает, чтоб по пояс раздевался и вставал на кушетку на колени, согнувшись, срамом к ней... Представь... А я смотрю, ей, может, лет восемнадцать-двадцать: в лучшем случае в дочери, а то и во внучки годится! Я к ней так встану, и всё! Ведь этой девочке до конца жизни душевная травма гарантирована... В общем, нет, говорю, и не проси... Кое-как уговорил, прислали совсем пожилую санитарку, той терять нечего!.. Закачала она в меня через зад воды ведро, не меньше. И говорит: иди в туалет, что на этаже... Я бегом туда, штаны не застегая, в руках держу... А там народ с утра уже в очереди, ведь туалет один на десять комнат, в которых по пять человек. И все в него ходят. Я в крик, но там такой же уже сидит, выливается, и через дверь матерится... Туда-сюда мотанулся — хоть вешайся. Есть ещё два туалета, но они под замками, и только для врачей, которым вдруг приспичит... Как ни держался, но уже бежит по ляжкам и вонь смердная... Запихнули меня в женский, там унитаз и небольшая ванночка. Закрылся и, плача от стыда, обмылся, штаны прополоскал... Потом надел всё мокрое, дошёл до палаты и, забрав сумку, убежал оттуда... Если так со мной поступают, пока ходить могу, что будет, если вдруг операцию сделают, лежать придётся? Пусть уж лучше дома, может, и пройдёт всё само... Если, опять же, Бог поможет... А нет, то и ладно... Пожил... Но терпеть такое не буду, словно скотина какая, и то ту моют перед забоем...”

Сосед замолчал и пошёл к двери.

— Умер он через месяц. Быстро так, как по расписанию. Выходил каждый день, а тут нету. Я бегом после завтрака. Лежит. И телефон в руке, вот как...

Иван не попрощался, плача и сморкаясь в грязный рушник.

* * *

На неделе позвонила Нина, вдова покойного, и сообщила, что поминки на девять дней соберёт она.

Иван согласился:

— Спасибо, Нина... А то я уже не знал, как быть, думал, у себя соберу немного, и ладно... Но, если так, обязательно приеду, и с тобой давно уже не виделись.

Она отключилась, а Иван долго держал в руках молчащий телефон, вспоминая жену брата.

На девять дней приехали с соседом Фёдором на его машине. В Колькиной ограде стоял пассажирский микроавтобус, рядом находилось несколько человек. Иван, растерянный присутствием незнакомых людей, вошёл в дом и с облегчением узнал Нину в тёмных одеждах и со скорбным лицом. Стол был

сбран самым необходимым для поминания, включая кутью, блины и первое-второе. На помин народу было совсем мало. Иван с Фёдором, поздоровавшись, сели, и сама хозяйка ухаживала за ними. Не пивший ста грамм Фёдор отобедал быстро и вышел курить на улицу. Иван же, захмелев, наоборот, не торопился и обрадовался, когда к нему подседа Нина. Про житьё-бытьё поговорили быстро, словно совсем дальние знакомые... То-сё, да и ладно. Потом Нина, словно решившись, повернулась к деверю и, понизив голос, убедительно заговорила:

— Я вот что думаю, Ваня... Хату, чтобы не пропала за зиму, сдам каким беженцам с Украины. Думаю, найдутся. А уже после, ближе к весне-лету, буду решать, что делать. Дочь-то далеко, пока приехать не может, но весной обязательно. Вот и решим, как быть с хозяйством этим...

Последние слова кольнули Ивана неопределённостью, но, понимая, что теперь решают вдова и дети брата, он согласно кивнул головой:

— Делай, как считаешь нужным, теперь уж всё одно. Хотишь — продавайте, хотишь — на старость оставьте. Она вот уже не за горами, старость-то... И потянет к земле и покою, мож, и пригодится вдруг хозяйство в деревне.

Невестка неожиданно сухо распрощалась с ним, и Иван, осмотрев уютный дом брата, понимая, что он здесь последний раз в жизни, вышел в холодный день.

Фёдор, уже ждавший его в машине, нетерпеливо тронул. Какое-то время ехали молча...

— Это что, всё родня Нинкина? — Фёдор угрюмо крутил баранку.

— Ну, да. Скорее всего. Она же ни с кем не знакомила. И дочь его, Зинка, не смогла приехать, или не захотела, хотя... как узнаешь.

— Вот тараканы! Все сараи взлохматили и погребя проверили, и делят уже, не стесняясь, как в кино про войну... В руки взял — моё! — Фёдор зло замолчал, и уже до дома ехали молча.

* * *

Ночью Ивану приснился страшный сон. Его покойный брат Николай пришёл к нему и, сев у дверей на лавку, жаловался: “Солонину всю выгаскали. Десять банок огурцов, двенадцать — помидор, капусту квашеную, сколь, не помню. Картоху едовую выгребли, но погреб не утеплили, посадочная вся перемёрзнет, что высаживать весной буду... А цепь собачью, шесть метров, новый Нинкин мужик забрал, говорит, им пригодится. Они вроде как в частном секторе живут, им без цепи такой никак: у собаки радиус захвата маленький!” Сам Иван что-то говорил, успокаивая брата, и пытался посмотреть ему в глаза. Но тот упорно отворачивал лицо, повторяя жалобы, а потом встал и, не прощаясь, вышел...

Проснувшись испуганный, вспомнил весь сон досконально и утвердился в догадке: “Не прощался... Значит, ещё придёт...”

Потом до утра сидел за столом, пил горячий чай и плакал, жалея брата и себя.

* * *

Утром пошёл к почти столетней бабке Никулихе. Та, поддерживаемая пожилой уже внучкой, играющей роль посредника, долго не могла понять, о ком разговор, и, шамкая пустым ртом, переспрашивала:

— Ты Проховой Лидки сын? Помню, помню! А кто помер тоды? Брат! Вона как, и брат был?!

Она долго копалась в Ивановой родословной, и, наконец, разобравшись с помощью внучки и узнав просьбу последнего, пошевелив губами, выдала:

— Поезжай в церкву. До сорока дён закажи молитву об упокое и свечки всем поставь. Чичас она ещё тут мотается, а коли в его доме уже другие хозяева насели, она к тебе и пришла, как к самому близкому...

Иван, до этого не слишком разбиравшийся в таких делах, не поняв, переспросил:

— Кто? Кто пришёл, он помер, тебе говорю... — и уже внучке. — Ты ей переведи, что ли. Чего она несёт? Или недослышит?

Но бабка, округлив глаза, возмущённо зашамкала сама:

— Душа его пришла. Видать, сам упокойный до этого к тебе обращался за помощью какой... И вот теперь помнит, куда идти, пришла. С девятого дня она без тела, бездомная значит. До сорокового дни тута будет. Вот ты и помоги ей, закажи молитву, и оставит она в покое мир этот грешный... и тебя!

Немного запутанный такими тонкостями, но поняв суть, Иван положил на стол пакет с подарками: шмат сала и два килограмма своего творога, и, попрощавшись, вышел.

Дома, отдыхая после вечерней управы, решил ехать в церковь в пятницу вечером, чтобы с утра субботы сделать дело и на четыре часа вернуться домой. Зная город, он понимал, что за день туда и обратно ему не успеть: “А ничего. У Нинки ночлега попрошу на одну ночь. Поди, не откажет, я ей плохого ничего не делал”.

Назавтра, в четверг, загодя договорился с соседом про управу и, проходя домой, пообщался с Весной.

— Ты уж не обижайся. Опять на два дня почти уезжаю. Тебе хозяйничать, а соседа знаешь, потерпишь...

Умная псина понимала, что сейчас её могут почесать, натянулась на цепи, как винтом виляя хвостом, и, съедаемая нетерпением, поскуливала. Хозяин почесал её выбитую ошейником шею, выгибающуюся под рукой спину и в довершение хлопнул по болтающемуся задку. Благодарная за внимание Весна звонко взлаяла, призвав к переключке всех соседских собак.

Вечером, уже перед сном, чистый и побритый Иван выбирал одежду. Её, этой одежды, было не то чтобы много, но накопилась она в шифоньере за долгое время, поэтому была разномастна и неуютна для отвыкшего от неё Ивана.

Ещё совсем не старый, но почему-то решивший жить именно так, как жил теперь, про всякую там “моду” он знал только из телевизора. Недавно смотрел какой-то концерт, ему запомнился и понравился певец в джинсах и пиджаке. Джинсы у Ивана были, пиджака не оказалось. Долго переключившаяся с полки на полку в шифоньере пахнущие затхлым вещами, нашёл шерстяную кофту. Нарядившись, прошлёпал к рукомоёйнику, где висело большое зеркало. Но оно выхватывало только верх: джинсы были внизу, и общий вид был скрыт. Долго пытался, приподнявшись на носках и клоня голову через кран к зеркалу, оценить наряд в целом, но не получалось. Плюнув от злости, сбегал в сенки и принёс табурет, старый-престарый, весь рассохшийся и шевелящийся, как живой. Отойдя к центру комнаты, оценил взглядом расстояние до зеркала и, удовлетворённый, поставил табурет. С сомнением покачал, но, решив не отступать, по очереди, право-лево, залез на него и, медленно отпустив руки, выпрямился. С трудом, не отрывая глаз от ног, поймал положение и потихонечку посмотрел в зеркало. Ну и ну! До зеркала оказалось неожиданно далеко, но даже то, что он увидел, вызвало в душе неподдельное возмущение. Из бессовестного стекла на него смотрел какой-то нескладный мужичок в измятых, словно нарочно, джинсах и серой, явно конца девяностых годов прошлого века, кофте. К тому же по груди шла нечитаемая иностранная надпись. Иван расстроился.

— Не пойдёт, конечно. И джинсы, и кофта — гадость. Давно надо было выбросить. В такой одежде пойдешь управляться, так корова молоко не отдаст, не узнает! Да и надпись непонятна, не по-русски — вдруг, правда, мат?

Корова, конечно, была не шибко авторитетом, но ссылка на неё всегда означала окончание рассуждений.

Устав балансировать на шатающемся постаменте, Иван, решив соскочить по-молодецки, поднял левую ногу и, чуть отпихнувшись правой, потерял опору... Удар об пол был не столько болезненным, сколько обидным и неожиданным. Он полминуты лежал для порядка, пытаясь выждать, где болит, но нигде не болело. Бедолага вытянул ноги, сложил на груди руки и затаился: “Всего пятьдесят с небольшим. Всего! Но жизнь почему-то летит

стороной, цветная, весёлая, крикливая и непонятная. А тут... Ведь даже уже ни о чём хорошем и не думаю, а только о смерти, подводя её, как итог, под всё, что происходит теперь. Но жить-то ещё лет двадцать, — он быстро посчитал сумму и переправился, — двадцать пять, минимум... И что? Я же с ума сойду, оценивая всё происходящее только с позиции предстоящего ухода. В конце концов, зачем жить, всё равно однажды конец?..”

Он встал, собрал обломки табурета, сложил их у печи, затем стянул с себя смешную одежду: “Что за дурость, не венчаться же еду, а совсем наоборот...”

Разволнованный мужик погасил свет и лёг на свой родной диван, с вываленной под его тело ложбиной, и, перекрестив в темноте лицо, закрыл глаза.

Ночью опять было тяжело. Его о чём-то просили, напирая на то, что он обязан помочь. Потом ругали за неподстриженную голову, за грубые руки и за нелеченые два коренных зуба... Иван отбивался во сне, но не мог понять, от кого. Это было до судорог в теле страшно и больно. Те, из сна, рукоприкладствовали. Он нездорово проснулся, чувствуя себя совершенно разбитым и испуганным. Опустив руку на лицо, понял, что плакал.

— Господи! Прости меня, грешного. Я сделаю всё, всё, что положено... и даже больше, — как заговорённый, опять перекрестился и, сжавшись по-детски под одеялом, беспокойно уснул.

* * *

Утром оказалось, что ему сегодня на смену. Иван не мог понять, как он просчитался, но в календаре стояла большая буква “с”. Он, торопясь, пощёлкал кнопками телефона и, подождав, заговорил:

— Саня, отдежурь за меня сегодня... Очень надо, я в церкву еду, молитву заказать. Да не смогу послезавтра, — он немного запнулся, думая, — на сегодня с попом договорился... Почему баба? Мужик с бородой, — и, опять чуть замедляясь, уже врал без разбора, — с ними же надо заранее договариваться о таких делах. Мне на сёдни назначили, к обеду!

Потом минуту слушал и удовлетворённо закончил:

— Ладно, как скажешь, отдежурю. И молока бутылку принесу... И яиц десяток... Договорились...

Наконец он выключил телефон и закончил:

— Вот хапуга! — он пошёл в утреннюю темноту управляться.

* * *

В шесть часов вечера Иван, держа на коленях свой цветной рюкзак с подарками, ехал на рейсовом “ПАЗике” в город. За мутными стёклами мелькала холодная, начала ноября, ночь, вернее, темнота, иногда разбиваемая светом встречных машин. Где жила бывшая жена брата, он знал. С самим Колькой возили туда дрова для бани года три назад. К тому же это самая окраина города: от первой остановки автобуса пешком пятнадцать минут. А уже утром от Нинки до церкви ещё столько же лёгким шагом.

На ходу стёкла автобуса совсем застыли, и, чтобы не проскочить остановку, путник заранее встал в передних дверях. Когда автобус, прогазовав белым паром, уехал, Иван убедился, что жизнь не стоит на месте. По крайней мере, вокруг остановки всё незнакомо: окружено стройками с высвеченными в темноте подъёмными кранами. Но он, не растерявшись, интуитивно пройдя мимо гор мусора и заборов, подошёл к высокому каменному дому, где жил незнакомый мужик, к которому убежала жена его брата... Иван нажал белую кнопку вызова на тёмной калитке и скоро услышал хлопнувшую дверь, а затем голос бывшей снохи:

— Ну, кому там чего надо?

Иван как мог радостнее, привстав на цыпочки и всё равно ничего не видя, ответил:

— Нина, здравствуй. То есть, добрый вечер. Это я, Иван. Брат... — и он замолчал, не зная, как ещё обозначить себя.

Дверь, пощёлкав затворами, приоткрылась.

— Ты чего припёрся на ночь глядя? Время попутал?

Нежданный гость стал торопливо объяснять, для чего он здесь, сбивчиво пересказав свои волнения, включая сны и направление старой Никулихи. Закончил он просьбой переночевать, не предоставляя стола, а наоборот, с подарками от него.

Бывшая сноха, не сомневаясь, ответила:

— Никак не смогу. Михаила дома нет, он на сутках, как же я тебя в дом пущу. Объясняй потом, кто ты мне, а кто я тебе.

Иван в растерянности отшагнул от калитки, давая понять, что без разрешения ломиться не будет.

— Я в кухне ночь просижу, а утром спозаранку уйду. Церковь же рано откроется, — и чтобы уж наверняка её разжалобить, добавил: — Не чужие же, поди, совсем.

Нинка, освещённая уличным фонарём, выступила за калитку и, прижав её спиной, вдруг с шипением затараторила:

— Не чужие, говоришь? А ты помог мне с поминками, подсобил девять дней отвести? Не спросил, может, что надо, сноха родная? Так за наш счёт вашу родню и поили, хорошо, Миша в положение вошёл, помог. И даже в деньгах не отказал, по сути, чужому человеку. А вы-то где все были?

Иван оглох от растерянности и обиды. Он прекрасно понимал, что всё на поминальный стол было взято в доме брата, только водки, конечно, несколько бутылок за деньги приобретено. Но тем не менее, ему захотелось оправдаться, объяснить, что ничего плохого не хотел, и что он, в конце концов, готов внести деньги, какие она скажет. С трудом поборов первое, озвучил второе. Женщина неожиданно согласилась.

— А мне много не надо, давай пять тыщ, как раз половина наших трат. Ещё не считаю, за машину сколько отдали, а то бы и не приехали, не помянули по-положенному...

Иван трясущимися руками достал кошелёк и, открыв его на просвет фонаря, вытащил пятидесятую купюру. В кошельке осталось пятьсот рублей да в кармане мелочь. Она резко взяла бумажку, также растянув её на свет, удостоверилась в номинале и, вздохнув, словно ничего не происходило, предложила:

— Баню сегодня топили. Хочешь, переночуй, на полку не замёрзнешь... А в дом не пущу. Мне нервы из-за тебя тоже тратить не шибко охота.

Она открыла калитку, и Иван, словно заколдованный, молча и торопливо проскочил через ярко освещённую ограду сразу в баню, к которой три года назад сам сгрузал дрова, привезённые для Нинки по просьбе брата. Уже подходя к дверям, услышал:

— На ночь собаку выпускаю, так что до утра не выходи, ногу откусит.

Иван зашёл в предбанник и услышал, как загремела цепью собака, потом хлопнула входная дверь. Всё, в тюрьме!

* * *

Злая псина сразу закрутилась у его неожиданного пристанища. Наверное, чувствуя чужого человека, громко нюхала входную дверь, скребла, злясь, порог и иногда, порывав, лаяла. Поставленная без фундамента баня ночью совершенно выстыла, и Иван уже не лежал, а сидел, нахохлившись, на полку, подсунув под зад случайно найденное в темноте полотенце. Организм, привыкший работать сутки-трое, ночью затребовал перекуса или хотя бы обязательного чая. Но любое шевеление вызывало возмущённый и нервный лай собаки. Он терпел... “А может, это мне испытание или предупреждение какое? Мол, не живи среди всех отшельников, вспомни в себе человека. И узнай людей в окружающих тебя!”

Ивану казалось, что он и не был нелюдимым: соседям, если что, помогал, ребятишек любил местных, какие под ногами шныряли. Но ситуация

с братом перетягивала все известные ему свои добродетели. И, не находя опять оправдания, глушил обидные мысли о снохе, заставляя себя смиряться: “На себя посмотри! Потом суди!”

Под утро совсем замёрз, впад словно бы в летаргический сон. В голове билась мысль посмотреть время, но понимание, что придётся раскрываться и лезть в карман за телефоном, останавливало.

Через вечное время хлопнула входная дверь, и он услышал, как Нинка кричала на собаку. С трудом, словно скованный изнутри льдом, слез с полка, нашёл на ощупь рюкзак и двинулся аккуратно к двери, ориентируясь по окну. Нинка опередила, и дверь раскрылась прямо перед носом.

— Живой?

Иван, выступив на улицу, переждал боль в отёкших конечностях и, стараясь быть спокойней, спросил:

— Вы банно когда топили, честно?

— Ну, в четверг, позавчера. И сегодня будем, как Миша с работы придёт. Не умер же, чего ещё надо. Специально тебе топить — так не барин поди, жара ни к чему!

— Да уж, спасибо, что не сжарился... — Иван, разминая ноги, пошёл через ограду к калитке, пытаясь накинуть негнувшимися руками рюкзак.

Справившись, остановился в калитке и, не удержавшись, спросил ещё, чтобы окончательно удостовериться, кто он для “ранешней” родни.

— А свет-то зачем отключила? Просто бы высчитала по-родственному за ночь, заплатил бы, куда не делся.

— Иди давай, родственник... Другой спасибо бы сказал, а этот... Глянька, спать ему темно!

Она защёлкнула задвижку на воротах, заскочила в дом, и, сильно хлопнув дверью, погасила лампочку над крыльцом.

Иван, не поворачиваясь, уже быстро шёл по предполагаемому направлению к церкви, пытаясь унять внутреннюю дрожь.

Огромный Божий дом высветился сразу, как только он дошёл до просторного парка, известного ему ещё с молодых лет. Не был здесь Иван уже лет тридцать, но парк, наоборот, показался не разросшимся, а каким-то аккуратно-компактным, ровно разрезанным, будто торт, стылými асфальтовыми дорожками. Сама церковь, огороженная чугунной оградой и освещённая прожекторами, смотрела лицом-фасадом с открытыми глазами-окнами и дверьми-ртом. Чугунная калитка открыта, Иван радостно заключил: действует! Измученный сомнениями и неуверенностью, он больше не хотел ждать. Подойдя к широкому, на три стороны, крыльцу, стянул с головы шапочку, быстро перекрестился, вдохнул полную грудь воздуха и быстро вошёл в пахнущее ладаном Божье место...

* * *

Вышел из церкви Иван через четыре часа. Устало отшагал от крыльца и, повернувшись у калитки, теперь уже широко перекрестился, отвесив дополнительно смиренный поклон.

— А что теперь, третьего не дано. Надо вникать и чтить, если правда именно в веру.

Выйдя за забор и отдышавшись от непривычного ладанного угара, он понял, что очень хочет есть. В рюкзаке лежали приготовленные подарки снохе. И вот теперь они оказались как нельзя более к месту. Времени до автобуса было с лишком, и, оглядевшись, увидел чуть в стороне длинные парковые скамейки, совершенно пустые по причине холода. Но нет, на одной сидел пожилой мужик — его Иван видел в церкви — и закусывал, разложив снесь на газетных листах. Шёл, и не ожидая от себя, напросился, улыбаясь:

— Можно к вашему столу, со своим, перекусить?

Мужик поднял удивительно добрые глаза и словно об обязательном, изначально решённом, тоже улыбаясь, сказал:

— Да садись, конечно! Можно и без своего, у меня целая сумка ёдова: мать наложила будто на неделю. Она ещё помнит, как на быках в город

ездили, вот по старости и проявляет инициативу. Хотел тайком выложить половину, да решил, что останется, каким нуждающимся раздать, ну, ничим, вроде, как в кино. Дак они на меня как загадели, когда пирог да яйца достал, жуть... Ты, говорят, сам жри свои хлеба, нам давай деньги... — и, смущаясь, закончил: — Вот и стараюсь теперь, чтобы домой не везти.

Он опять поднял доброе лицо и уже рукой ещё раз пригласил. Иван сел и, достав своё, порезал на общий стол. Минут десять-пятнадцать молчали, пробуя теперь общие разносолы.

Случайный знакомый был явно старше, широколиц, добротен и чисто одет по-деревенски, просто подстрижен и совершенно осязаемо спокоен. Немного насытившись, Иван вспомнил, что не познакомился, и, дождавшись взгляда, протянул руку. Собеседник опередил.

— Пётр. Пётр Иванович! Из деревни Белой нашей области, приезжаю вот уже в третий раз, по жене покойной службу заказываю. И сам маленько того, исповедуюсь как бы... — он говорил тихо, словно боялся непонимания и, следовательно, осуждения.

Наш паломник, не приглядываясь к собеседнику, рассказал о себе.

— Приехал тоже службу заказать, но не получилось... Так, свечки поставил за упокой, потом ещё приеду, дня через два.

Новый знакомый поддержал разговор:

— А по какому поводу? Если возможно поделиться...

Иван, влекомый доверием к совершенно незнакомому человеку, рассказал о смерти брата со всеми последними своими шагами, кроме ночёвки у Нинки. Но чтобы объяснить, почему нет денег заказать службу, опять немного соврал, выгораживая и себя, и сноху.

— Утром заскочил к ним с автобуса, попроведать, а им дрова для бани привезли. А она же одна, брата всё любит, хоть и жили порознь... С деньгами тоже не совсем: дочь опять же с ней... Вот я и заплатил, хоть и отбивалась, вроде не надо...

Пётр Иванович полез в карман и, вытащив кошелек, стал пересчитывать в нём купюры. Иван растерялся и даже немного расстроился, поняв, что делает собеседник. Он торопясь стал отнекиваться, но Пётр Иванович сам вздохнул с сожалением.

— Да, неудача, совсем мало, ещё билет брать домой. Придётся тебе приехать. Хотя... Знаешь, что я однажды слышал от очень серьёзного человека?

Иван, радуясь, что всё так закончилось (брат в долг он не любил), внимательно слушал. Пётр Иванович, надев шапку, снятую во время обеда, начал:

— Человек этот сказал, что если в то время, пока душа уже без тела, но ещё не призвана Богом на суд, мечется около потерянного дома, и вдруг где-то недалеко рождается новый человек — явление, как мы знаем, тоже сначала бездуховное, она может, с позволения Божьего, в него вселиться!

Иван, не уяснив сути, но поняв, что это важно, переспросил, с недоверием улыбаясь:

— Кто в кого и с чьего разрешения?

— Ну, грубо говоря, душа твоего брата, если, конечно, он отмолил грехи свои в момент болезни...

— А он молил, точно знаю...

— Могла быть допущена в тело младенца, рождённого в это самое время, где-то там у вас, недалеко.

Иван, продолжая улыбаться, дожёвывал непропечённую шкурку от самим же солёного сала, был совершенно сражён логикой услышанного. Сразу, словно бы ему сказали, что брат не умер, а уехал в другую страну или, лучше, улетел на Луну! Не увидишь, конечно, его больше, но он жив, здоров, может, герой будет или уже... И, поняв, что это, даже в разлуке, в тысячу раз лучше, чем смерть, радостно принял теорию.

— А ведь точно, как я сам не сообразил, вот ведь... Сразу отпевать, не узнав нормально...

Он быстро попрощался с Петром Ивановичем и, закинув за плечи рюкзак с тремя восковыми свечками и маленькой брошюрой молитв, затопал через многолюдный уже парк на остановку.

Вечером, после управы, Иван, взяв пол-литра совхозной (магазинной) водки, шёл к знакомому мужику Владимиру Бердневу, в народе — Баяну. Этот Баян был удивительным, превосходным баянистом, причём самоучкой. Его звали на все праздники в деревне, а иногда и без праздников — душу порадовать.

Был он непривередлив, совершенно бесхозыйственный и одинокий, цену за услуги не задира, брал даже продуктами. Но что особенно интересно, он знал все новости в деревне досконально! Рассказывал красочно и самозабвенно, немного путаясь в именах, времени и лицах. Но суть именно в том, что новость, любую, он знал.

Хозяин сидел в тепло натопленной хате посреди кухни на высоком крепком табурете с незабвенным баяном на голых побитых коленях. Гость удивился его виду, но, поняв, что в доме жарко натоплено, успокоился: “Хорошо, что не пьян”.

Не поднимая головы с мехов и чуть убавив звук, Вовка поздоровался и объяснил:

— Сейчас. Немного тренирую пальцы. А то отвыкнул без каждодневной работы, тогда всё, ничего нормального не сыграешь. Душа, мысль, уши знают, как надо играть, — руки без тренировки не могут.

Он, играя, наращивал темп, складно подстукивая ногой и прикрыв плотно глаза, улыбался, угадывая, что это хорошо. А когда Ивану стало казаться, что сейчас вот и начнётся самое важное, для чего и играют музыку, тревожащую душу, она резко прервалась. Он по инерции, опережая несыгранный такт, клоннул головой и разочарованно выпрямился:

— Ну, ты даёшь — уф, аж мурашки по коже...

Хозяин поставил инструмент на широкий стул у стола и, пригласив присесть гостя, сам примостился сбоку от своего музыкального друга, как бы обозначая его компаньоном, живым и душевным.

— Шестнадцать лет тут живу, в первый раз ты пришёл. Даже немного растерян. Но боюсь, что тебя огорчу, на поминках не играю. Раз пробовал, но плохо получилось. Родные просят любимые песни покойного, и обычно в грустной тональности, и темп потише... А как, скажи, пожалуйста, скорбно сыграешь популярные шлягеры шестидесятых-семидесятых годов? Не знаешь? То-то! — он откинулся на спинку стула, приобнял левой рукой баян и легонько стучал по нему пальцами.

— А кто сказал, что я к тебе за этим пришёл? — Иван, улыбаясь, вытащил из кармана пол-литра. — Может, наоборот, отдохнуть и выказать уважение тебе и твоему таланту.

— Ну, это другое дело! — голоногий, в смешных цветных шортах, хозяин буквально в минуту собрал на стол, выставил две рюмки и, чуть задумавшись, стакан воды.

— Это запить, иногда первая встречается в горле, не проглотить! — он подтащил табурет, на котором играл, и сел теперь напротив гостя.

— Ехали?!

Иван открыл бутылку, налил почти по полной, и они синхронно, аккуратно и глухо стукнув рюмками, закинули в рот “по семьдесят”. Немного закусив, выпили ещё по одной: чтобы “не потерять тепло в груди”.

— То есть пришёл ты вдруг просто так, сказать Вовке Баяну, какой он удивительный музыкант, — молодой ещё мужик смотрел чуть хмельными глазами, явно призывая к разговору.

Гость помолчал, словно сомневаясь секунды, но уже по-свойски махнул рукой.

— Ты всё в деревне знаешь: и в нашей, и в соседской. Может, скажешь, если есть такое, что кто-то родил здесь около двадцати дней назад?

Лицо Баяна изменилось. Он резко вскочил и, отпрыгнув от стола, затараторил спутанно и торопливо:

— Ах вон ты чё! Сама послала? Так я тебе скажу, что это не моё, не моё! Понял? Я там всего четыре раза был, четыре раза! Причём три — пьяный

почти в умат. Что, если спали вместе? Мне же надо было где-то спать, я же не собака, чтобы на полу... Вот и лёг на её кровать. То есть ложился... А было всего раз, и то так, без желания, без кайфа как-то. Я больше после того раза и не пошёл, понял, что не понравился... Зачем мучиться?

Он, бегая по комнате и размахивая руками, вполголоса кричал, поглядывая на дверь, словно ожидая кого-то. Затем, не понимая, почему “посланный ею” Иван молчит, неожиданно, словно обрывая музыку, припал к столу:

— Это Кошалёв гад, точно тебе говорю, дядя Ваня, Юрка Кошалёв. Он меня и выщепил, когда я последний раз от неё уходил. Прижал к забору и давит пальцами горло, словно гусю. Я не пойму ничего, а он слюнями в морду: “Моя она, если ещё раз придёшь, на вилы насажу...” — и дерёт горло ногтями. Еле вырвался, хотел обматерить его, а говорить не могу, шиплю, как действительно гусь. Короче, домой прибежал и больше — ни ногой, ну её к лешему, и с любовью, и с кроватью... Я и забыл уже почти, а тут узнаю — родила!

Вовка сел и, сам налив водки, взволнованно хыкнул, запил водой и забарабанил пальцами по столу, отводя воровато глаза.

— Так ты скажи, кто родил-то? Мне надо знать! — Иван встал и надевая куртку, не мог попасть в рукав. — Кто? Имя забыл?

Баян, ничего не понимая, тоже встал и, на всякий случай отходя в спальню, назвал:

— Зинка Фролова, кто?! А то не знаешь, кто послал, вот кино индийское, в двух сериях, где все родня!

Иван вышел, громко хлопнув дверью.

— Хорошо, что не ты отец.

* * *

Придя домой, долго сидел одетый, упорно глядя, как от ботинок тёмными струйками растекалась тающая в тепле грязь.

Скоро всё остынет... Потом природа поседет первым робким снегом, ещё тонущим в лужах, но уже спокойно лежащим на подстылой земле. Сколько раз, сколько раз видел он это, Господи, но всегда душу охватывает грустный восторг, когда выходишь утром, а мир сед... Сед и немного суров: не холоден, а именно миролюбиво суров, словно пожилой, любящий тебя отец...

Иван и отца вспомнил, уже больного, коротко стриженного и вдруг совершенно седого, хотя уезжал в больницу статный, русский сибиряк. Его не было долго, а когда привезли, сам идти не мог. Они с братом, с двух сторон обхватив за тело и ноги, несли его с дороги через снег домой, а отец плакал, и слезинки настывали в высокой щетине на провалившихся щеках. И Колька плакал, смешно и страшно корча лицо, не сдерживаясь и громко всхлипывая. А сам Ванька плакал, ненавидя себя за то, что не ездил к отцу в больницу: ведь он наверняка смог бы ему помочь...

Стоп! Вот видишь, Иван, забыл ты, как просил перед смертью отец вас держаться друг друга. А вы обещали, да не сдержали слово... Но только память с сожалением укорит в этом, а время отберёт потом и слотит торопливо, как глотает всё.

Он очнулся от дум, вытер ладонью мокрое лицо и, быстро раздевшись, лёг спать, не протопив на ночь печь. Уже засыпая, решил не вставать завтра до свету — а это почти до десятого часа. Ещё подумал, что скот будет орать, но... не сдохнут за один раз. Уснул.

Проснулся ещё в темноте, чувствуя лицом прохладу в доме. Попытался уснуть, но не смог и, поняв, что выспался, решил вставать. В доме у него удобств не было, и он, не позволяющий себе “слабости в ведро”, накинув старый, длинный утеплённый плащ, предназначенный именно для этого дела, выскочил до ветру в красивый, самим сделанный туалет. Прискакал обратно быстро, замёрзший и окончательно проснувшийся. Было шесть с небольшим. Поставив чайник, начал растапливать печь.

“А где же живёт Зинка? — он знал, что найдёт её, но хотел вспомнить сам, чтобы не спрашивать односельчан. — Начнут: зачем да почему? Смешки-уколы... А она, по-моему, совсем соплячка ещё: лет тридцать, может, с небольшим”.

Чайник отключился, он встал и заварил крепкий чай с сухим имбирём, который заготовил сам. Вернувшись к печи, зажёт белую, скрученную в трубочку берёзовую кору и, аккуратно подсунув её под дрова, закрыл дверцу. Верная, как добрая собака, печь сначала тихонько заскулила, чуть сбиваясь и начиная вновь, потом, уже разгоревшись, протяжно и чуть слышно завывала, призывая замёрзшего хозяина к теплу, домой! Иван тянул терпкий, чуть подслащённый чай, сидя на низком стульчике, и смотрел через щель на горящий язык этого верного домашнего существа.

— Управлюсь, вспомню: суета здесь не нужна...

Ему было пятьдесят два года, но именно теперь он почувствовал себя старым и совершенно одиноким...

* * *

С утра варил творог из обраты. Сначала два дня копил в погребе молоко, затем — на электрический сепаратор, после сливки — на сметану, обрат — на творог. Сметану можно просто сторговать, а можно на масло сбить. Если на масло, останется ещё пахта: её, остуженную, он сам очень любил. Вообще, Ивана поражало разнообразие продуктов, которое можно сделать из молока. Он смолodu научился готовить любой деликатес, включая простоквашу. Но со временем дачники, да и просто бескоровные местные убедили его в коммерческой выгоде этого занятия, и теперь его молочка была нарасхват и даже по записи. Это было очень удобно и приносило ощутимый доход, который почти весь он тратил на пятилетнего внука, сына дочери, Петруху.

Сегодня, отторговав по записи (два кило творога, полкило масла, баночка сметаны и “полторашка” молока), остатки сложил по чистым баночкам и упаковал всё в рюкзак. В двенадцать дня пошёл.

Сама Зинка появилась в деревне лет пятнадцать назад и поселилась, неизвестно почему, у бабы Стеши Фроловой. Может, та пожалела, только оказалось, что, как баба Стеша померла, пришлая тоже этой фамилии. А никто и не разбирался, да и милиция сюда попадает, только когда выборы проходят. Посидят сутки в клубе и до следующих забывают дорогу в эти места, конечно, если не порешат кого местные алкаши. Но то совсем редко, слава Богу, народ в деревне теперь тихий и скрытный: лишь бы меня не тронули...

Иван прошёл мимо фроловского дома. Не заметив ничего, шагов через пятьдесят развернулся резко и, как ни в чём не бывало, пошёл обратно. Теперь смотрел уже через левое плечо, до минимума сбавив ход, размышлял: “Дорожка к дверям напотгана, дыма вроде нет, но над трубой жар шевелит воздух. Значит, дома...”

Он уже хотел повернуть, но из-за угла вынырнул знакомый мужик, и Иван, поздоровавшись кивком, озабоченно проскочил до перекрёстка. Там, крутанувшись, убедился, что “фарватер” чист, быстро вернулся и, уже не думая, зашёл в избу, стукнув для порядка козонками в дверь.

* * *

В домешибанул в нос запах маленького ребёнка, но очень уж резкий и со спиртовой прокисью, словно в утреннем пивном баре. Он вполголоса назвал имя предполагаемой хозяйки и, затаившись, полминуты ждал ответа. Поставив, скинул чуни и, мягко ступая, прошёл через кухню с навязанными попереёк верёвками и, как он решил, спальню, задрнутую по проёму простыней. На широком диване лежала Зинка в коротком халате, и громко сопя, спала. А в её скрещённых руках лежал завёрнутый в пелёнку младенец с маленьким кукольным личиком. Иван, испугавшись, что она его задавила своей ручицей, быстро подошёл и положил её руку вдоль тела. Зинка открыла глаза.

— Ты чё, дя Вань? — она узнала его сразу, хотя никогда не общались близко.

Иван, воровато отведя глаза от полураскрытых грудей, отошёл от дивана.

— Задавишь, побоялся. Он же ещё, смотри, куклёнок совсем...

Хозяйка резко поднялась, одёрнула на груди халат и села на диван, собирая волосы в пучок.

— А ты кто? Какая инспекция малолетняя? Или, может, по своему вопросу зашёл?

Иван сел напротив, скинул с плеч рюкзак и поставил его между ног. Кашлянул легонько из-за пересохшего враз горла, прикрыв рот рукой, потом начал:

— Ты, Зина, ничего не подумай. Без злого умысла я, то есть не ругаться, а даже наоборот. Вот принёс продуктов молочных пикунёнку твоему, пускай рубает и растёт, — он, торопясь, развязал рюкзак и стал выкладывать прямо на пол баночки и пакет с творогом. — Как съест, Зина, ещё принесу, и поболее могу. Он же растёт, само собой, и никуда от этого не деться. — Иван радостно заулыбался своему пониманию происходящего.

Женщина тоже засмеялась, оперевшись о диван и закидывая в смехе голову.

— У тебя дети были, дядька?

— Были, и сейчас есть, взрослые!

— Да как неужели же не знаешь, что ему пока месяцев до шести-семи вообще ничего нельзя, кроме молока вот этого? — она вдруг приоткрыла халат, показав большую, упругую грудь с ярким, чуть длинным соском.

Мужик испуганно отвернулся. Она, засмеявшись, встала, рисуясь одёрнула одежду, плавно провела из-под грудей по талии руками:

— И пока он на отсутствие пищи не жалуется. А ты бы лучше пива принёс полторашечку, мне бы не помешало.

Ивану вдруг кольнула в сердце эта просьба. Он ничего не знал об этой молодой и ещё очень красивой женщине, но совершенно не хотел, чтобы она шла.

— Послушай, Зин, а как же пацан, ему-то вдруг чего не так будет, дело же серьёзное: дитя!

— А что ему будет... Спать только будет крепше и дольше, так мне опять же на руку. Немного собой займусь.

Иван, торопя себя, думал, не убирая банки с пола и пытаясь не смотреть на хозяйку.

— Знаешь, — он, наконец, хлопнул по коленям и, продолжая смущаться, глядел на диван с лежащим свёртком, — ты сама кушай это всё и корми пацана. Только не пей! Как он станет сам есть, тогда перейдём на нормальную пищу, а ты уж, если не в силах терпеть, выпивай немного, даже сам буду покупать алкоголь, если что...

Зинка хлопнула руками по бёдрам.

— Ох, вы посмотрите на него! — и, подойдя почти вплотную, встала ему под взгляд. — Ты кто такой? Припёрся неизвестно откуда, во второй раз его в жизни вижу, а он мне лицей преподаёт, как сына воспитывать... Что тебе до меня или до него?

Она протянула открытую руку к дивану.

Иван, уже не в силах отворачиваться от наседающей женщины, встал и примирительно продолжил:

— Я дурного не хочу. Помогу тебе ребёнка на ноги поставить — и всё. Просто так. Одной тебе сейчас трудно будет, вот я и решил.

Последние слова он произнёс с уверенностью, словно Зинка сама его об этом просила. Но распаховавшаяся женщина схватила Ивана за ворот и, дыша в лицо вчерашним перегаром, вполголоса кричала:

— Что тебе надо вдруг от меня и сына моего, дурак?

Иван спокойно отвёл её руки, немного толкнув, посадил на диван, дождался, пока перестанет биться и кричать. Она, подавшись его силе, сидела, возмущённо отдуваясь, и смотрела, как он натягивает чуни.

— В доме так больше не блажи: ребёнку напугаешь. Вообще, как договорились, так и делай. Я завтра приду, ещё поесть принесу и тебе чего куплю, — он встал в проёме, открывая дверь, повернулся и, взглянув прямо на молодую мать, произнёс:

— Родня он мне, оказывается! Слышишь? И потому я шефство над ним возьму, вернее, взял. Так что до завтра, Зина...

Дверь по-хозяйски негромко хлопнула и прижалась от тяжёлого плеча мужика. Чтобы не отошла!

Женщина, ничего не понимая, испуганно заплакала...

* * *

Назавтра хлопот накопилось — полный рот. Навалившиеся вдруг дела, связанные с отсутствием, враз изменили привычный порядок дома, а в хозяйстве и подавно. Чужие руки, конечно, могут заменить твои на время, но лишь поверхностно. Обычно так: печь протоплю, но дров приготовь; корову выдою и сена подтолкну, но ты его натаскай под крышку к яслям; яйца соберу и корма сышну, подчистить и соломки подстелить — сам. Вот и приходится потом полных полдня чистить, таскать, убирать... И корова вдруг вздрагивает от прикосновения, и куры замектели от несвежей подстилки, да и дом враз потемнел без хозяина... Бедная же Весна так радовалась и выказывала своё восхищение, что пришлось её закрыть на время уборки в конуру. Когда же наладил всё по-своему и зашёл домой, полдня пролетело, и улица уже за окном сереет. Иван решил сначала добежать до Зинки, потом уж растопить печь и заняться домом. На этот раз сложил банку сливок и бутылку молока в целлофановый пакет, яйца — аккуратно — в другой. “Чтобы не таскаться с рюкзаком, как турист, принёс, оставил — и всё!” — размышлял Иван.

Надеясь, что ненадолго, и не закрывая на замок дом, вышел на холодную улицу с целью прийти к Зинке с одной стороны, а уйти с другой, словно проходом. Почему-то казалось, что такой путь не очень бросится в глаза непосвящённым...

Как назло, получилось по очереди встретиться с двумя знакомыми, пришлось обоим врать одинаково, мол, побежал до дочери: внук Петруха молока дедовой Бурёнки захотел. Мужики ему, наверное, верили и долго не задерживали, хотя дочь жила в другой стороне деревни. Сделав полукруг в другую улицу, он пошёл, словно бы уже в свою сторону, и через три дома заскочил в Зинкину ограду. Быстро пройдя по тонкой тропинке, шагнул в сени и, стукнув по входным дверям, вошёл.

В нос теперь шибануло не прошедшим, а происходящим праздником. Так и есть: спальня была, как и вчера, задёрнута простыней, зато в кухне у стола сидели сама хозяйка и мужик. Гость её был в зелёных спортивных штанах, отвисших на коленях, в полосатой футболке и без носков. Но больше всего задело Ивана то, что тот курил. Он поздоровался с замолчавшей Зинкой, сняв чуни, прошёл к столу и, подвинув на нём грязную посуду, поставил пакет, сам сел на третий покосившийся стул.

— Привет, дядь Вань! Каким ветром сюда занесло? Что-то прям как домой уже, без приглашения, не стесняясь... А вдруг мы того... в ложе любви чичас?

Пришедший пододвинулся ближе к столу, развернулся спиной к хозяйке и лицом к гостю. Это был Кошалёв, которого Иван, конечно же, знал с детства и только до какой-то поры, когда или Юрка исчез, или он сам, уединившись, никого уже старался не знать.

Сейчас перед ним сидел, развалившись, как пьяный барин, довольно здоровый, но с суетливо бегающими глазками парень.

— Здравствуй, Юра, — Иван, пытающийся понять, чего в нём больше сейчас, зла или здравого смысла, смотрел, не моргая, на оппонента. — Ты забыл, что я запретил здесь распивать спиртные напитки и курение? Насовсем!

Обескураженный Юрка подтянул ноги и взглянул на хозяйку.

— Когда это?

— Сейчас и... повторяю, насовсем, — он протянул к лицу парня консервную банку, заменяющую пепельницу.

Тот, гадко улыбаясь, раздавил окурок и, сев совсем в стул, пропел:

— А в гости можно приходить или тоже табу?

— В гости можно, если хозяйка не против тебя пьяного терпеть. Скажет “нет” — и в гости нельзя!

Юрка, понимая свой проигрыш, но не собираясь сдаваться, напрягся:

— Ты-то кто здесь, дядя Ваня? Или тепла молодого захотел на старости лет?

Зинка зло фыркнула и, заскочив за занавеску, укладываясь, заскрипела диваном. Иван протряписто смотрел на парня и молчал, шевеля пальцами сложенных на коленях рук. Кошалёнок с притворной ленивцей встал, обошёл стол, подобрал брошенные у печки носки и направился к вешалке.

— Ну, оставайтесь, коли так, — он повысил голос, — счастья вам, хозяйюшка... и этого... согласия.

Зинка что-то непонятное ответила, но Юрка, воткнув голые ноги в валенки и накинув вытертый полупушок, быстро вышел, громко хлопнув дверью.

В сенках простукало по полу, и всё затихло. Иван встал, собрал со стола грязь и, открыв печь, бросил в огонь. Поискав глазами, в чём она моет посуду, но ничего не найдя, сложил тарелки и стаканы в ободранную раковину. В комнате заскрипел ребёнок, и послышался тихий голос матери. Иван, прислушиваясь, постоял несколько секунд, улыбаясь и приоткрыв рот, потихоньку пошёл к спальне. Остановился, уткнувшись в занавеску.

— Зин!

Женщина молчала.

Он, вдохнув шумно, продолжил:

— Ты как пацана назвала?

Теперь она, нервно сбиваясь, заговорила:

— Никак! Это же надо в сельский совет попасть, а с ним кто? Меня “скорая” на пятый день домой привезла и уехала — вот всё! И ребёнок здоров, и я, слава Богу, но как эти двенадцать километров перескочить, не знаю. Просила Юрку с кем договориться, никто, говорит, не согласен. Или деньги большие просят. Вот и сидим пока без имени... — она слышимо переложила ребёнка с одной груди на другую, и тот снова зачмокал.

“Вот апшетит, — обрадованно думал Иван, — сразу видать — мужик! Прости, Господи...”

— Я помогу тебе, то есть вам. Вот завтра на смену, послезавтра приду, управлюсь и, думаю, часам к одиннадцати подъедем за вами, хорошо?

Было слышно, что в спальне рады. Иван, набравшись духу, попросил:

— Можно посмотрю?

— Сейчас, — Зина заправила грудь в халат и разрешила: — Заходи!

Ребёнок был, как куколка, заплетён в пелёнку по шею. И небольшая, с кулак Ивана, головка в синей шапочке, опять же с кукольным личиком: маленький носик, закрытые глазки, почти без бровей и ресничек, и чуть розовые губки — даже с улыбкой. Зато щёки выпадали из завязанной шапочки персиковыми дольками.

— Это ты глянь, а! — У Ивана от нежности захолонуло сердце, и он, не в силах сдержаться, спросил мать: — Зин, можно понюхаю немного, даже не дыхну на него... Пожалуйста!

Она чуть приподняла его с колен, и мужик, сам встав на колени перед ними, аккуратно склонившись, вдохнул от подбородка и ротика сладко-кисленький его запах, запах молока, груди матери и маленькой жизни, которая уже была осязаема. Молодая женщина смотрела на мокрые от слёз глаза Ивана и растерянно молчала.

— Я знаю, что вспоминает старый человек, проживший жизнь, перед смертью, — он встал и, смахнув слезинки, пошёл к выходу, — он вспоминает именно этот запах...

В кухне подложил в печь дров, погасил свет и, аккуратно придавив дверь, вышел.

Ночь брела по улице впереди Ивана. Он был счастлив...

* * *

На работу всегда добирался пешком. Эти недолгие четыре километра его бодрили и радовали. Ходил Иван по лесной ненабитой дороге, всегда удивляясь жизни, кипящей вокруг, и думал о своей. Сейчас, освещая малоснежную ещё тропу фонариком, вспоминал последние события: “Всего три дня назад совершенно не знал, что делать и как жить дальше... И вот как всё изменилось — словно по волшебству. А может, правда, там кто есть, и видит наши мытарства, и, может, помогает даже немного?”

Он почему-то отчётливо радовался знакомству с Зиной или даже больше с её сыном, моментально и бесповоротно ставшим ему родным, нужным.

— Вот имя оформим. И всё, всё начнётся!

Что начнётся, Иван не знал, но был уверен — только хорошее.

В нетерпении сутки тянулись долго. Пришедший сменщик, заваривая обязательный утренний чай, пытался разговорить Ивана. Но тот не поддавался и, нацепив уже давно собранный рюкзак, ушёл, словно растерялся в просыпающемся уходящем рассвете. В мыслях о предстоящих сегодня делах не заметил, как очутился дома. После управы пошёл к соседу Фёдору. Подойдя, с удивлением обнаружил на входной двери огромный замок и растерянно затаптался. Был вариант, что он попутал в сменах, так как Фёдор тоже работал посменно, но, посчитав, понял, что ошибается: “У него сутки после двух моих выходных, если не подменился, конечно”.

Иван покрутился и вспомнил про машину. Любимица Фёдора, приобретённая лет двадцать назад, отечественная малолитражка совершенно непонятного грязного цвета, стояла на месте.

“Что же номер телефона у неё не взял, — злился он, — наверное, ждёт сейчас, нервничает...”

Телефон же соседа был нем, будто потерял своего хозяина. Постояв в раздумьях, плюнул и, не оборачиваясь, быстро пошёл к Зинке. В сенках снова запах гулянки: вина или пива, курева и какой-то нечистоты. В доме холодно, на столе — вчерашний бардак, под столом — пустые смятые пластиковые бутылки. Сама хозяйка не спала и встретила Ивана в голос:

— Явился, не простудился, — она встала, запахивая халат, и зло продолжала: — а то думала, замерзать придётся, если припозднитесь немного... Вчера в гостях Юрка был, но дрова теперь рубить отказался: я, говорит, ещё вышить с тобой могу и... там немного ещё чего, — она скривила презрительно лицо, — а дрова пускай твой новый родственник рубит, нечего просто так тут расслаживаться...

Зинка задёрнула, как обычно, шторку и села к столу, положив нога на ногу.

— Чурки я кое-как осенью смогла привезти, в смысле, договорилась с мужиками, напилили. Но колоть никто не согласился, так хоть этот гад помогал, — она замолчала, затем с несдерживаемыми слезами продолжала, — за отдельный расчёт и тепло... А вчера пришёл пьяный, разорался, что не цену добра, и конечно, пожалею обязательно... Я-то его выгнала, — женщина жала рукой на груди халат, — а дальше что? Идти теперь обратно звать?

Она уже с отчаянием заплакала, закрывая рот ладошкой.

— Родственник... много вас таких... через одного да каждый...

Иван понял, что вошёл в судьбу этой женщины без её согласия, развалив привычный ход жизни, и именно это доставляет ей сейчас неудобство. Он посмотрел в светлое окно и усмехнулся:

— Предлагаешь идти дрова колоть? Людской молвы не боишься? Что на это скажут-перескажут?

— А мне стыдиться поздно, мой стыд вон, сопит лежит, ему теперь и тепло нужно, и кушать... и вообще! Я тридцать лет стыдилась да пряталась, сейчас пускай другим будет стыдно, у кого нет такого счастья...

В комнате запищал ребёнок, и мать, вскочив, шмыгнула за занавеску. Через минуту паренёк замолчал.

— А где топор взять: есть, нет? Пойду немного разомнусь, часок до упоравы. — Иван обувался в дверях.

— Где-то в дровах. Он его всегда, где работает, там и бросает...

— Понял. Если что, за своим сбегаяю.

— Конечно, сбегай. Только не долго беги. Света на дворе нет, в темноте неудобно топором махать... — она как-то презрительно и горько, коротко просмеялась.

Дрова были свалены в кучу около полуразвалившегося сарая, засыпав ненужный, скорее всего, туда вход. Но проход к летнему и, наверняка, к зимнему туалету был тоже завален, поэтому он сначала откидал чурки, освободив двери. Топор валялся тут же — не колун, но довольно неплохой. Иван, не откладывая, решил рубить не очень большие, тяжёлые оставив на потом: “Когда колун принесу...”

Он выбрал на подставу кусок дерева пониже и пошире, установил его плотно, снял куртку и, оставшись в свободном тёплом свитере, приступил. Дрова колоть он любил с детства и не считал эту работу серьёзной или тяжёлой.

Зина перепеленала ребёнка и, чувствуя прохладу, подвернув дорогой свёрток шалью, вышла в кухню, к окну. На улице, паря всем телом, мужик рубил дрова, отбрасывая колотые поленья в уже довольно большую кучу. Неожиданное тепло и почти незнакомая нежность заполнили растерянную душу женщины: “Господи, какой хороший. Хороший, только совсем непонятный... и ста... нет — взрослый! — она отвернулась и неприятное чувство, почти отчаяние, охватило её. — А ведь будущего нет... Ни работы, ни достатка, ни мужа, ни даже мало-мальски нормального мужика рядом. Неужели всё, что происходит в моей жизни, ждёт теперь и сына? Нет, только не это... Только не это! Я что-нибудь придумаю, милый мой”.

Она легла и чутко задремала.

Скоро зашёл Иван, растопил печь, натаскал дров и, заставив её закрыться на крючок, ушёл.

— Никому не открывай, если что, звони, телефон записан, бумажка на столе. Завтра к одиннадцати дня заезжаю, и едем ребёнка регистрировать.

Он перешагнул порог, как всегда плотно притворив дверь плечом, и, дождавшись звона упавшего крючка, вышел из сеней.

* * *

Оказывается, соседка жена вчера спрятала под замок. Сам, пьющий “редко, но метко”, он бы не остановился, и поэтому выпившего с вечера мужа утром женщина уговорила отдохнуть под замком, мотивируя это так:

— Лучше пускай сутки проваляешься, чем опохмеляться затеешь. Втянешься — не остановить, и работу потеряешь.

Фёдор, сам любящий такие “отгулы”, целые сутки проспал сурком, а утром подтвердил свою готовность съездить до сельского совета.

Иван, довольный ходом дела, всё равно предупредил:

— Телефон не оставляй пока нигде. Управлюсь, соберусь — и вперёд. Делов на час, по-хорошему.

Без пятнадцати одиннадцать самоназванный крёстный, одетый непривычно нарядно, чего почему-то стеснялся, подошёл к соседской ограде. Машина была готова, и мужики, молча усевшись и волнуясь оба, выехали. Уже у фроловского дома Иван заговорил:

— Я, Федя, выскочу у калитки, ты же доезжай до конца улицы, развернись и там стой. Мы выйдем, махну тебе, подскочишь, — и не дождавшись ответа, вышагнул из машины почти на ходу.

Зина была уже одета, а паренёк лежал развёрнутый и болтал ручками и ножками, смешно корча рожицы. Иван, восхищённо вытянувшись, не подходя близко, радостно заключил:

— Мужик! Гляди ты, всё по-правдешнему, сомневаться даже больше не надо! — Он улыбался и испытывал такую знакомую радость, ни с чем не сравнимую, о которой помнил много раньше.

Хозяйка, посмотрев сначала на сына, потом на Ивана, стала пеленать малыша.

Неожиданно он спросил, любуясь, как мать ловко укутывает дитя:

— Зина, а как пацана решила назвать, имя же надо подходящее...

Он совершенно не знал квалификацию имён: подходит — не подходит, скорее, признавал: нравится — не нравится.

— Валера, — вдруг тихо ответила мать.

Мужик испугался:

— Какой Валера? Что это за имя, и, по-моему, певица такая есть... Ещё не хватало...

— А тебе какое нравится? — она обернулась к нему, улыбаясь, и готовая слушать.

Иван отошёл к чисто прибранному столу и, сев на скрипнувший стул, нараспев, надеясь, что она услышит и почувствует красоту слова, произнес:

— Николай!

Зина разочарованно присвистнула:

— И где же тут красиво? Придумал, прости меня. Валера уж в любом случае красивее, не знаю, как другим, мне лично так...

— Да что тебе, — выбирал правильный путь разговора новоявленный крестный, — что красота? Николай — не просто имя, это такой спаситель был у русского народа! Он потом из мужика богом стал почти. И значит, великая сила в нём была и правда...

Зина хотела посмеяться, но, взглянув на Ивана, поняла, что он говорит очень важное и нужное для себя, верит в это беззаветно и хочет до других донести. Мать, подвязав свёрток синим бантом и взяв его на руки, с нетерпением спросила:

— Ну, что сидишь, едем?

Иван встал.

— Да, как же, Зина, а?.. Назовёшь Колей, я шефство над ним возьму, не брошу до последу своего, не сомневайся. И своим скажу, надо будет, что не чужой он им, а наоборот!

— Так давай и отчество твоё тогда дадим, что уж размениваться. Я, грешным делом, сообразить пока не могу, кто папка его, не уследила в суете. — Она замолчала.

Иван, подшагнув к ней, долго смотрел в лицо и вдруг улыбнулся:

— Давай!

* * *

Через сорок минут в сельском совете рука паспортистки Иры вывела в свидетельстве о рождении: Фролов Николай Иванович.

А поздним вечером Иван, чуть хмельной, сидя за кухонным столом напротив фотографии брата, говорил тому:

— Вот и ладно, братка, как и положено, до сорокового дня... Кольку-то прямо тем днём обозначили, как ты того... — Иван судорожно сглотнул спазм, сбил со щёк щекоктавшие слезинки и продолжал: — И не думай, всему научу, на ноги поставлю и тебя ему обозначаю. Токо что лицом, конечно, не получится совсем уж, но главное же душа! А она у него твоя, правильная душа будет!

Он положил фотографию в шкаф, неторопливо разделся, оглядев комнату, погасил свет и, на ощупь добравшись до постели, улёгся. Немного полежав с открытыми глазами, сжавшись и не вытирая бежавшие в уши слёзы, тихо заплакал, то ли от радости, то ли от горя, а может, и от того, и от другого вместе. Так бывает, когда душа есть у человека. Большая!

КОГДА ВЗОЙДЁТ СОЛНЦЕ

С Фёдорычем, невысоким крепким дедом, появившимся в их деревне год назад, Егор познакомился в лесу. Сам он плотно работал на заготовке дров для тех, кто не может или, чаще, не хочет заниматься этим серьёзным делом.

Местный лесник, которого мужики за глаза называли Лешим, отметил им деляны рядом, нашлапав своей печатью ярких меток на белые стволы берёз. Егор совершенно не обратил внимания на незнакомца, суетливо скачущего за важным лесником, грозно решающим какой ствол пойдёт на дрова, а какой “пускай ещё постоит, позреет”...

Тот же, боясь не найти после свои стволы, торопливо вязал на них цветные полоски, нарванные заранее из старой простыни. Егор про себя посмеялся над незнакомцем, вслух отметив его неожиданную практичность: — Здорово!

На следующий день Егор приехал уже на своём, купленном два года назад специально для этой работы двухколёсном, с небольшой прицепной телегой тракторёнке. Вчерашний дед, вежливо поздоровавшись кивком головы, завёл свою пилу и стал пилить, сильно газуя и часто вскидывая голову вверх.

Егор, отметив его полный непрофессионализм, потихоньку разгрузился, направив и ещё раз проверив пилы. Пила соседа выла, как самолёт. Определив по плотному звуку, что инструмент у того хороший, парень не понимал, почему дерево ещё стоит. Наконец, не выдержав, подошёл к работающему. Тронув того за плечо и встретив удивлённый взгляд, махнул рукой: “Стой!” Затем уверенно взял пилу, заглушил её и потрогав цепь, засмеялся.

— А я думаю, как так: гудит уверенно, по стволу вроде водишь, а опилок нет... — Он опять засмеялся. — Цепь у тебя дед, задом наперёд надеята... ха-ха... Это как дрова рубить обухом топора или воду решетом носить.

Парень ловко и быстро перевернул цепь, проверил на натяг и, ловко вскинув, с руки дёрнул кикстартёр. Пила уверенно загудела, он, наклонившись, по набитому резу прижав шину, длинно газанул. Затем так же — с другой стороны, и снова в первый запил, но уже на полный газ. Небольшое дерево, качнувшись, накренилось и, попытавшись устоять, шумно охнув, свалилось, взметнув из-под себя пыль и оторванные листья.

— Неплохо, пила достойная, — Егор обернулся к хозяину.

Тот, не скрывая радости, тянул руку.

— Думаю, что такое? Всё новое, а не идёт! Ну, первый блин комом, наверное, так... — крепко пожав протянутую неожиданным помощником руку, назвался: — Фёдор Фёдорович, пенсионер, уже год с лишним у вас проживающий!

Егор даванул деду ладонь, с удовлетворением чувствуя силу руки, назвал себя и, не затягивая паузы, пошёл на свою деляну.

И получилось так, что, подсобив раз, он помог ему также чурки до дома вывезти, попутно рассказав и показав, как складывать ветки, чтобы не получить нагоняй от лесника.

— Леший хоть и мужик свойский, порядок в своём деле любит! — говорил Егор, со знанием дела оттаскивая ветки на свободную от деревьев поляну. — Поздней осенью сжигать это будет, по первому снегу. Так надо, чтобы живые деревья не поглотить. — Фёдорыч согласно таскал сучья и аккуратно складывал кучи, стараясь не разваливать их большими ветками.

На следующий день вечером Егор даже не удивился, увидев Фёдорыча, идущего к его ограде, аккуратно придерживая раздутый магазинный пакет.

Так началась дружба двух, как оказалось, одиноких на тот момент мужиков.

* * *

Дом у Егора небольшой, простой, и именно этой простотой уютный. Фёдорыч осматривался, скромно заглядывая во все комнаты. Сам хозяин побегал обкупываться в баню.

— Можно, конечно, и под душем, но мне больше баня по душе! Тем более вчера топил, вода тёплая...

Гость обошёл комнаты, которых было две, из них одна — спальня, заглянул в ванную с душевой кабинкой и в туалет, благо двери были рядом. Затем сел за стол в небольшой светлой кухне и огляделся.

Стены внутри деревянного дома были просто строганы, затем отшлифованы тёркой. От этого дерево стало, как сплошная картина, с красивыми неправильными узорами из сучков и разводов годовых колец. Фёдорыч, не выдержав, погладил дерево, неожиданно вспомнив далёкое детство, и, довольный догадкой, проговорил:

— А олифой горячей пропитал, ишь какой цвет дала! К тому ж запах не закрыла, как магазинная краска! — Он вздохнул полной грудью и придвинулся к столу, сделанному также, наверное, руками хозяина, начал выставлять принесённую снедь. В сенцах затопал хозяин.

— Вот смотрю и гадаю, кто тебя надоумил такой домик соорудить? Или прикупил уже выстроенный, как я? — Гость, улыбаясь, разводил руками.

Егор, в спортивных трико, с перекинутым через плечо полотенцем сел за стол.

— Зачем покупать, сам сладил, как понимаю... А строить немного у бати научился, он у меня плотник был. Хороший! Я вот жалею, что не осознавал по молодости, какое это дело правильное. Поэтому многое упустил. Но суть понял, теперь, где непонятно, сам додумываю. Хотя так ещё интереснее. — Он достал кое-что из холодильника, и они, не сговариваясь, выпили по рюмочке.

— Вот спасибо тебе, Егор! Я бы сам, конечно, долго дровами занимался, начиная с цепи уже... — оба засмеялись, — не говоря о привозе и прочее. У тебя как-то всё быстро получается, ловко... Вижу, давно этим делом промышляешь?

— Уже годов, точнее, сезонов семь — восьмой идёт. Как из города вернулся сюда жить, а работы никакой. Хорошо, брат надоумил, он этим тоже живёт, в соседней деревне. Вот и втянул меня, спасибо ему на добром слове. Хотя мы с ним и за другие калымы берёмся, где что построить, крышу перекрыть, забор поставить...

Выпили ещё. Было видно, что Фёдорыч хочет что-то спросить, но молчал, боясь, наверное, какого-нибудь неудобства. Неловко налив ещё, он показал рукой: — Давай!

— Ты меня, дедусь, извини. Я не шибко пивун, быстро косею. А завтра в лес опять. Заказы есть, сидеть некогда. А работа, сам знаешь, не пофилонишь. К тому же, помощник мой, что ветки в кучи собирает, запил, уже вторую неделю разменял. Самому приходится, а это в два раза труднее и по времени дольше...

— Так давай я, а?! Всё равно дома сижу, уже соскучился по делу. Думаю, что уж кучи слаживать сумею, не велика проблема.

Егор внимательно посмотрел на неожиданного добровольца и, решившись, поднял рюмку:

— Давай!

Закусив, Фёдорыч поднялся и протянул руку хозяину. Тот, пожимая её, серьёзно подтвердил:

— Завтра заеду в девять часов, не проспай, ждать не буду.

— Хорошо. — Гость, слегка качнувшись, вышел.

* * *

С этого дня Фёдорыч на постоянно занял место подсобного работника, выполняющего нехитрую, но очень важную работу. Ветки нужно собирать и складывать в кучи обязательно подальше от деревьев. А осенью лесник по первому снегу с самым заготовителем проезжал по его делянам и всё это сжигал, избегая этим возможных весенних палов.

Производительность с таким помощником увеличивается почти вдвое. Фёдорыч быстро и с желанием освоил нехитрые премудрости работы, и уже

через несколько дней стал выкраивать время на заготовку веников, поиск грибов и даже сбор ягод. Оказалось, что по живости натуры он, как и Егор, находить без дела совсем не мог. И увидев именно эту черту в его характере, Егор всё больше и больше привязывался к деду...

Тот же, видя в Егоре человека более опытного в простой деревенской жизни, в отличие от себя, всю жизнь прожившего в городе, удивлялся его природной смекалке и практичности!

...Как-то они “промышляли” на отдыхе грибы. Фёдорыч метался по колку, как заяц, стараясь за короткое время осмотреть как можно больший периметр леса. Егор же спокойно шёл в метрах десяти от края, иногда наклонялся, чаще даже приседал, скрываясь в высокой траве. А когда, выбравшись из леса, сошлись, оказалось у молодого грибов вдвое больше. Фёдорыч, сам набравший немало, развёл руками, показывая удивление.

— Вот как так?

Парень улыбнулся:

— У нас нынче год не очень дождливый? А преимущество ветров в этой области — юго-запад... Следовательно, именно западная сторона леса — более влажная, и, по логике, грибов там должно быть немного больше, чем в глуби или на востоке колка! Так ведь, сам подумай?

Простота немного даже обидела Фёдорыча, ведь и он замечал, что глубже лес — суше, а простой вывод сделать не сумел...

— Тебе кто это рассказал, только честно?

— Да никто, как-то всё само пришло. Я и грибы собираю совсем не часто, когда груздянки захочу. Обычно в лето раза два-три, не больше. Солёные люблю, но их проще у бабок наших купить, те ерунду не подсунут, для себя солят!.. Время у них есть!

Всё чаще и чаще они затевали доверительные беседы, короткие, но ёмкие, выплёскивая какую-либо серьёзную мысль или тему за несколько минут перекура. Причём, что один, что другой никогда не задавали предварительных вопросов, всё вырывалось вдруг, по наитию или доверительному душевному порыву. И эти короткие выплески были понятны и словно сближали их в одном, нужном обоим совместном движении.

Постепенно каждый словно бы уже ожидал историй другого, узнавая ещё страницу жизни собеседника...

* * *

Середина августа выдалась солнечная и тёплая. В безветренном, душном лесу работать бензопилами было трудно. Надышавшись густым выхлопом, Фёдорыч часто отходил в сторону и протяжно кашлял, негромко ругаясь и продувая нос, поочерёдно кланаясь головой в разные стороны. Егор, чтобы совсем не загнать помощника, глушил пилу и садился рядом на поставленные, словно стульчики, чурки. Сейчас он повернулся спиной и сквозь зубы, согнувшись в нетерпеливом ожидании, просил Фёдорыча:

— Слышь, дед! Хлестани между лопаток, там меня, по ходу, комар поедом ест, только похлестче...

Фёдорыч, увидав уже полного крови комара, затаив дыхание, неловко и аккуратно бил, вскрикивая, как обычно:

— А вот я его!

Егор нервно и как-то безнадежно ругался.

— Ты не можешь, что ли, хлопнуть сильно? Так, чтобы кожу обожгло? Неожиданно обвинённый дед оправдывался:

— Я же убил его... Вишь, кровь на руке даже. Зачем же хлестать шибко, лёгкие тебе отобью... вдруг...

— “Лёгкие отобью...” А вот она как хлестала! — Егор от сладких воспоминаний закрыл глаза. — Ка—а—ак резнёт! Хлесть! И словно не ладошечка у неё, а маленький утюжок, обжигает до красного! Потом на этом месте до конца дня вообще ничего не чувствуешь, только шкура горит немного... Приятно!

Он посмотрел на молчащего деда и, решившись, продолжил:

— Жена моя то есть. Мы, когда до города в деревне жили два года, часто в лес ходили. То по грибы, то по ягоды, а то и просто... нравилось. Сама измажется мазиами всякими, а я не люблю, шкуру мне эта химия ест. Вот её иногда и просил... Да, главное, ручка-то махонькая, пальцы просвечивались, словно бумажные, и ноготочки, как ягодки, светятся... Но как она хлестала ловко, не передашь... Откуда что бралось!?

Егор заметно расстроено замолчал, и Фёдорыч, чтобы разбавить неуют, спросил:

— А как звать-то её, жену твою, забыл, что ли?

— Да нет, не забыл. Только зачем теперь имя, скажи? Ушла она. Точнее, я ушёл, убежал...

Он встал и завёл пилу, дав понять, что разговор окончен.

Фёдорыч, ещё раз сухо по очереди продув ноздри, поднялся за ним.

* * *

Дела шли. Егор никуда не торопился. Обычно в неделю было два-три заказа, то есть две-три машины дров. Такой расклад позволял обоим заниматься домашними делами, которые в деревенском доме обычно нескончаемы. Получалось, что в лесу они бывали три-четыре раза в неделю, обычно после росы и часов до двух-трёх.

У Фёдорыча был насажен, как он выражался, “неловкий огород”, о котором он помнил всегда и бежал туда в любую свободную минуту.

У Егора из овощей — лишь картошка, лук-батун и грядка огурцов. Свободное время тратил “куда придётся”, часто облагораживая небольшую ограду, ещё чаще — помогая вечным и вездесущим бабкам.

К деду он не ходил, или, точнее, тот не звал. Но сегодня, проходя мимо, крикнул, разглядев его спину среди картошки, где старый собирал “вражью напасть” — полосатых колорадских жуков:

— Фёдорыч, приходи вечером, дело есть. В баньку сходим, грамм по сто пятьдесят на душу примем. И поговорим...

Фёдорыч, не сумевший ничего сказать из-за пересохшего горла, нечленораздельно крикнул и для лучшего понимания махнул рукой.

Вечером он прикатил наряженный в спортивный костюм и кроссовки, чем вызвал удивление Егора.

— Да я раньше спортом занимался, плотно... Вот с тех времён и осталось, — он, улыбаясь, снял обувь, прошёл к столу.

— Тебе идёт... Но вообще, давай раздевайся, баня готова! Эх, как я это всё люблю. Наверное, хороший был человек, кто баню придумал и парилку, конечно...

— Наверно, — согласился Фёдорыч, и они потопали через ограду в баню...

К концу сентября дни заметно корочеют, и сумерки опускаются быстро. Зато уже по темну чувствуется прохлада, и комар исчезает, давая возможность спокойно отдыхать во дворе, под уличными навесами.

— Послушай, Фёдорыч, — они сидели за круглым столом, соблюдая по-слепанное удовлетворённое действие, когда хочется просто расслабленно сидеть, — через неделю октябрь, осень! Там немного — и совсем прохлада. Надо бы костюмы купить, знаешь, такие, пятнистые, словно солдатские. Я сам-то город не знаю и не очень люблю, а ты человек ещё недавно городской, не отвыкший. Поехали вместе, автобус от райцентра в девять утра. Обратное можно в обед, а можно и ввечер, если задержимся. Вдвоём всё же сподручней, да и веселей как-то.

Фёдорыч неожиданно, с радостью скучающего по этому делу человека, уверил:

— Конечно, давай, я город знаю, как пять пальцев, не заблудимся.

Поездку они назначили на четверг на утро...

...В автобусе спать уже совсем не хотелось. Народу немного, и они сидели рядом, наблюдая скоро бегущую за окном жизнь.

— Фёдорыч, а ты чем в городе занимался, как жил?

Тот, словно ожидая этого вопроса, вздохнул и прикрыл глаза.

— На производстве работал, начальником небольшим. Скучно, но зато деньги хорошие платили. А в свободное время стихи пишу, хобби у меня такое — стихи слагать!

Егор, обескураженно замолчав, всматривался в дедов серьёзный анфас, пытаясь углядеть усмешку. Наконец, не выдержал:

— Шутишь?! Я по телеку ихнего брата видел. Не остановишь. Они все стоят и, рукой махая, горланят, словно бы после немоты проораться им надо обязательно, все до одного!

Он на секунду задумался и уже не очень уверенно продолжил:

— Хотя недавно показывали наоборот... Этот сидит, не моргая, и чешет, чешет... Слова непонятные, то да потому, то да потому... Концерт у него вроде, народ за деньги пришёл. Думаю, щас морду ему набыют, — нет, замолчал — хлопают! И цветы, само собой. Тоже, думаю, — лучше бы бабам своим отдали, проку больше. Не понять их нашему брату — культура! А ты то вроде нормальный, работать можешь. Зачем тебе это?

Фёдорыч как-то безобидно и озорно смеялся, закрыв глаза и поглаживая старую сумку, лежащую на коленях.

— Я тоже читал, иногда. Сейчас пока отдыхаю, с мыслями собираюсь. И нового не могу ничего сказать. Всё как-то больше обида выплывает, время-то уже много прошло, а сделано мало... А с обидой стихи скучные, некрасивые... Вот и жду, когда что свежее вынырнет...

Егор, помолчав, неожиданно выдал:

— Потом дашь почитать чего?

— Конечно, как домой вернёмся.

Дальше молчали оба, думая каждый о своём, и вообще...

По барахолке бродили долго, немного растерянные и взволнованные, пытаясь, словно в незнакомом лесу, в небольших строениях магазинчиков одежды или какой-нибудь скорой еды.

Фёдорыч, словно потерявший квалификацию гид, неуверенно забегал вперёд и тыркался в разные цветные двери, надеясь увидеть искомые костюмы.

Егор поначалу заходил за ним, потом возмутился.

— Так скакать я и без тебя бы мог. Давай, если не знаешь точно, хотя бы вывески читать сначала...

Действительно, этот метод, как оказалось, проще и практичнее. Теперь первым шёл Егор и, не подходя близко, через головы снующих вокруг людей читал негромко и внятно, не забывая комментировать.

— “Женские платья” — не нам... Обувь “Только кожа”, — опять не нам. “Джинсы” — не надо пока... “Женские хитрости” — мимо!

И вдруг остановился, заставив Фёдорыча ткнуться ему в спину.

— Вот! “Одежда для работы, отдыха, охоты”! Наверное, нам сюда.

Запыхавшийся Фёдорыч, по инерции обрулив нервного поводыря, первым вошёл в стеклянную дверь.

Действительно, это было то, что искали. Длинное помещение, сплошь заставленное рядами вешалок с висящими костюмами “для рыбалки и охоты”. Егор, как точно знающий, за чем пришёл, выбрав ряд с большими табличками с обозначением своего размера, углубился в поиск.

Фёдорыч же неожиданно затосковал, объясняя подошедшей девушке помощнице:

— У меня тело нестандартное, понимаете, барышня. Вот организм не много полноватый из-за живота, а ноги вроде худые... Это опять же относительно живота... А вообще, нормальные, думаю... Мне, чтобы скрыть всё это... если можно!?

Барышня красиво и терпеливо улыбалась, снимала специальной палочкой костюмы и провожала его в примерочную. Старый быстро переодевался, но, наоборот, долго и тщательно осматривал и ощупывал вещь, заставляя девушку подтверждать свои претензии...

— Вот здесь дует, смотрите, словно большая немного, а на вырост уже поздно брать... И, по-моему, штаны чуть узки, мне же приседать часто приходится, наклоняться. Давайте другой вариант рассмотрим, — и он задёргивал занавеску, переодеваясь в следующий комплект.

Так продолжалось бы очень долго, но Егор, уже выбравший себе костюм и наблюдавший за Фёдорычем, наконец, поставил точку:

— Вот, дед, вот этот в самый раз. Прямо уверяю, то, что надо. И не высоко, и не низко, и не узко. К тому же с карманами, всё, как положено, есть куда шиповник собирать, капюшон удобный! Тормози, лучше не найдёшь...

Сам удовлетворённый этим вариантом, Фёдорыч, после слов Егора, согласился:

— Выписывайте!

* * *

На автовокзале непонятно почему торопящиеся друзья удивились. Билеты взяты, но они не только не опоздали, а будут ждать до объявления посадки ещё три с половиной часа!

Растерянный Егор теперь с надеждой смотрел на “почти городского” друга. Фёдорыч с сомнением, словно не слишком желая согласия, предложил:

— Знаешь, пойдём посидим в кафе. Здесь недалеко, пять минут пешком. Тихое место, “Золотой Парнас” называется, там писатели обедают всё больше, поэты. Бомонд, одним словом, культура и прочее...

Егор, никогда эту прослойку населения не видевший, с радостью согласился, понимая, что другу самому будет приятно... Через несколько минут они уже сидели за блестящим, как осенняя лужа, столиком, с интересом изучая меню.

Подошла интересная, в красной одежде официантка и с милым усталым притворством поинтересовалась:

— Господа, определились?

Егор растерялся, Фёдорыч же, наоборот, словно натуральный господин, включился в действие...

— Нам, барышня, вот это и это, по порции того... — он называл заказы, словно какие-то заморские цветы, уверенно, на иностранный манер ломая язык, играя!

В самом же конце, смотря внимательно на длинные пальцы девушки, бегающие с ручкой по странице, добавил уверенно:

— И по двести коньяку в один графинчик, без лимона и без обмана!..

Барышня, не отрывая глаз от письма, удивлённо вскинула брови, но молча дописала и, улыбнувшись, наконец, произнесла:

— Заказ принят...

Она аккуратно растворилась, и друзья, в такт откинувшись на стульях, стали рассматривать зал. Немного затемнённое, сплошь стеклянное заведение было почти пусто, только в дальнем углу, у разрисованной красным конём с крыльями стены, сидело вокруг сдвинутого стола несколько человек, весело беседуя и часто в смехе вскрикивая.

Фёдорыч утвердительно моргнул Егору:

— Да, да... Поэты. Хвалятся рифмованными мыслями, сплетничают, спорят, против кого дружить!..

Напарник же увлечённо рассматривал заказ, выставяемый на стол “официанткой от культуры”.

* * *

Незнакомые для Егора и привычные для Фёдорыча кушанья действительно оказались вкусны! Старый аккуратно наполнил рюмочки, они, синхронно стукнувшись, выпили и, быстро закусив, выпили ещё. Волнение,

сопровождавшее целый день обоих, отпустило, и с возрастающим аппетитом пришло уютное чувство удовлетворения сделанным.

Первым не выдержал дед.

— И главное — по времени успели, правда ведь? И одежда неплохая!.. А сколько мы ещё по времени работать сможем?

Егор, выждав момент, дожевал котлетку, запил соком из высокого бокала, по неизвестно откуда взятой привычке аккуратно вытер губы салфеткой (знай наших!) и со знанием дела объяснил:

— Как погода. В принципе, спрос есть, можно до зимы в лесу сидеть. Нам ещё проще: ни комаров, ни всякого гнуса кусучего, да и листьев на деревьях не стало — это упрощает дело. К тому же прохлада, не душно в лесу — работай и радуйся! Думаю, до снега точно надо позаниматься, а там — зима, на отдых! Стихи писать! — Он засмеялся весело и непринуждённо...

— Давай за это по крайней. — Фёдорыч поднял рюмочку, снова заделались краешками и враз проглотили крепкую жидкость.

Всё, можно было идти в сторону автовокзала. Но тут их внимание привлёк громкий, высокий, с каким-то протестным вызовом голос у столика по-этов. Егор сидел к бомонду лицом, Фёдорыч же, увидев интерес друга, повернул туда стул.

Один из поэтов, высокий, с тёмным витым волосом, спадающим на узкие плечи, в красной рубаше с закатанными по локоть рукавами, перевитый по шее чёрным плюшевым шарфом, приподнимаясь над столом, громко, не стесняясь сторонних, надменно повествовал:

— ...Понимаете, а она мне: 'Люблю!..' На машине своей ждёт после всего, — он, понизив голос, объяснил как бы между прочим: — В институте на сборном концерте выступал, приглашали со стихами... Так вот, ждёт, пришлось садиться. К дому подвезла, расплакалась слёзно, тянется руками и губы... везде губы её, не отвернёшься...

Он вдохнул воздуха, векокольз огляделся и, увидев внимание почти всего кафе, возбуждённо продолжил:

— На всё согласна, говорит, и не стыдно ничего, любовь, любовь... Сиденья упали, я и опомниться не успел, минута жара и... Опять слёзы, просьба простить — еле вырвался. Ну, думаю, так красиво всё начиналось... Домой пришёл и прямо выпали из души слова, — он опустил голову, сначала неслышно для многих начав, закончил громко и пафосно:

...Всеми, чему они пророчили года.

— Любовь! — минутка.

Я — выпавший на сцену менестрель...

Вы... — проститутка?!

В кафе стихло. Один из парней за столом, неловко улыбаясь, подал голос:

— А она как отреагировала на это?

— Да что она! Я! Позволивший этому произойти — кто теперь... Перед собой — даже не знаю...Словно в болоте побывал, и...

Он не закончил...

— Да чмо ты, гад! — Егор искал не матерные слова, чтобы выкрикнуть их в сторону поэта. — И сволочь. Ты слизняк, и не поэт, и не мужик вообще...

Неожиданно для Фёдорыча Егор откинул стул и широко зашагал через зал. Остановившись около сразу потерявшего лоск страдальца-поэта, он возмущённо закончил:

— Какая бы ни была, она тебе доверилась, даже позволила что-то, может, правда влюбилась? А ты?! Всем! Всем сразу! Вот, мол, я какой, на что способен ради меня!

Он, покраснев, стоял со сжатыми кулаками и в упор смотрел на опшонента.

Тот, совсем растерянный, гадко улыбаясь, отводил глаза в сторону и, явно заикаясь, промямлил:

— А тебе что надо? Это моё дело, вот и молчи... — и неожиданно даже для себя выдал: — Быдло...

Егор легко махнул рукой, и поэта срубил, как бензопилой гнилой тополь.

Кто-то закричал про полицию, кто-то кинулся к Егору, но в драку не полезли. Скорее всего, этого стихоплёта тут не любили. Фёдорыч тоже подскочил и встал рядом с Егором, ликуя и радуясь произошедшему.

— А что же я-то не сориентировался? Я почему промолчал? Эх...

Он полусогнул руки в локтях и встал спиной к спине друга, словно надеясь на продолжение драки. Так их и забрал наряд полиции, прибывший по сигналу тревожной кнопки.

* * *

— Ты молодец, Егор. Именно так и надо с подлецами, именно так! Жаль, что многие это забыли или смирились с такой постановкой вопроса... А они, в смысле подлецы, цветут и пахнут. Их везде терпят, им сплошь дают слово, за них заступаются... Это теперь “плюрализм” называется... Тьфу совсем!..

Они сидели в КПЗ, на неудобных, узких деревянных лавках, прибитых так высоко, что ноги не доставали до цементного грязного пола, отчего сидеть было совершенно неудобно. И на стену, оштукатуренную острой “шубой”, не обопрёшься, и не ляжешь — лавка узка, и не постоишь — ноги стынут. Попал сюда — уже виноват, мучайся, раскаивайся, страдай... терпила. Под одну гребёнку всех: и убийцев, и злодеев безбожных... и не согласных по культурным вопросам — как больше? Закон суров — но он закон!

— А знаешь, Фёдорыч, и ты молодец. Я ведь в тебе совсем не уверен был, совсем... Живёшь рядом, вроде общаемся, говорим. Но не хватает чего-то, мелочи какой-то, пустяковины, чтобы не знакомцем, а другом тебя называть. Вроде как река между нами или забор высокий... И в дом ни разу не пригласил, и разговора по душам не начал. Видать, тыкали тебя в жизни в бока, теперь боишься. Думаешь, один сможешь, сам да сам, вроде как обузой не стать... А зря. В одинокое дерево все молнии бьют! И кривое оно обычно к старости!..

Фёдорыч хотел ответить, но не успел. В камеру, где была вмонтирована решётка, разделяющая жизнь на свободу и несвободу, вошёл высокий, не старый майор, немного грузный, с наградной планкой на левой стороне кителя.

— Ну, здравствуйте! — И он назвал Фёдорыча по имени-отчеству.

Дед соскочил с лавки, болезненно вскрикнув, и подошёл к решётке.

— Денис! Здравствуй, дорогой ученик! Ты откуда здесь?

— Да, вот, начальник теперь тут, как пошёл после армии, так не могу остановиться.

— А стихи, ты же писал очень хорошо, помнишь? Я тебя отмечал, двигать пытался, что с этим?

— С этим всё, слишком ответственность большая — стихи писать, не решился...

Майор обнял Фёдорыча и повёл обрадованного деда в комнату, отделённую от общей большим толстым стеклом...

* * *

Оставаться в полиции, даже в подсобном помещении, на ночь они не согласились. Ученик Фёдорыча, уладив много формальностей, отпустил их из-под стражи и даже вызвал такси.

— С шофёром я договорился, довезёт вас до просёлочной дороги, там до места меньше десяти километров, дойдёте.

Уже отъехав за город, Фёдорыч подал голос:

— Он один из очень немногих писал хорошо, конечно, по своему возрасту тогда, но хорошо. Надежды подавал. И вот, глянь, как судьба бросила!

— На нашу удачу, если не больше... А так заступил бы ты завтра на пятнадцать суток, а я — даже не знаю, на что. Если тот ротан заяву нарисует, может, и серьёзно всё обернуться, не знаю...

— Денис обещал, должен помочь.

Они замолчали и притихли в тёплой машине. Через час таксист высадил их на перекрёстке. До деревни, по которой скучали уже оба, было около десяти километров, если напрямую, через лес и поля, по отсыпанной же гравию дороге — чуть больше двенадцати.

— Ну, и как, двинем? — Егор смотрел на восток, где тяжёлые осенние тучи резало полосками серое небо. — Прямо или гравию ноги бить?

— Пошли прямо, если не заплутаешь... Я-то тут ещё не хаживал, на тебя надежда.

Парень перекинул через плечо сумку с их покупками и смело шагнул в поле. Фёдорыч, не сомневаясь, двинул следом...

* * *

Долго шли молча. Река, на которой стояла их деревня, чувствовалась в правой стороне. В любом случае, если забирать южнее, они выйдут к воде, и уже по берегу совершенно точно придут домой. Но опять пришлось бы немного попетлять вместе с изгибами русла, а это тоже лишние километры.

Нет, Егор шёл напрямую, ведомый шестым чувством, только обходил довольно большие берёзовые колки, не желая продираться по совсем тёмному лесу.

Тучи с востока всё же собрались в одну, совсем тёмную, закрыв все просветы на небе. Ветер посвежел, помокшел, усилился, стал заметно мешать идти, туго упираясь в грудь. Вдалеке замигали молнии, вместо грома бурча далёким медвежьим рыком. Вскоре капли дождя стали уже ощутимы...

— Сильного дождя не будет, стороной пройдёт. Но маленько зацелит. Где-то недалеко должна сторожка стоять, поля помидорные и огуречные раньше охраняли.

Егор уже подумал, что промазал, но нет, вышли почти на неё.

Не успели отдышаться, как по дырявой шиферной крыше плотно застучал дождь. Потом уже сверкнуло так, словно день вернулся на секунды... И сразу звенящий, резкий хлопок грома, качнувший землю.

Егор уверенно прошёл в дальний угол, в темноте пошуршал там, и уже через несколько минут в печке с вывернутой кем-то плитой горел радостный огонь. Нашли доски и на кирпичках наладили лавки. Подкинув в огонь дров, расселись.

Дождь ещё шелестел, но уже не сильно. Дым, скопившийся вверх, и блики огня рисовали мутные картины. Стало тепло и уютно!

Они очень долго молчали, по очереди вставая и подбрасывая в огонь разные палки и ломаные доски, в избытке валявшиеся кругом.

Первым заговорил Фёдорыч.

— Я такое с детства помню. С отцом мы так же где-то ночь пережидали. Раз было всего. Он у меня редко дома был, лётчиком служил. А дело после войны, то туда их, то сюда. Вроде только запах начнём его узнавать, вжик — опять куда-то полетел. Ладно — неделя, а то и на полгода пропал... Не спишь?

— Нет, слушаю.

Фёдорыч удовлетворённо вздохнул и продолжил.

— Потом прилетел на месяц летом! И меня на аэродром привёл. Я просто одурел от счастья. Поле, зелёное, огромное, взгляда не хватает... Друзья его кожаными куртками скрипят вокруг, смеются с нами. И самолёты!словно птицы блестящие, даже глаза стеклянные сверкают, и носы чёрные, острые! Я у отца спрашиваю: как же они взлетают? Ведь вон какие огромные! А он мне отвечает, мол, надо разбежаться по сильнее, и взлетит даже человек. Только сил у него мало, а у машины хватает...

Я потом лет до пятнадцати взлететь пытался. И так тренировался, и этак. Бегать пристрастился, равных не знал, но не смог природу обмануть, не взлетел... — Он грустно вздохнул и стал распаковывать сумку.

— Новую одежду наденем, сухая всё же, и выдвигаемся. Дождь затих, да и поздно уж совсем, или рано, не понять...

Егор встал и, снимая парадно-выходную, действительно влажную одежду, спросил:

— А что дальше-то? Что отец, как?

— Да никак. Улетел однажды и не прилетел совсем.

— Погиб, что ли? — Егор удивился спокойствию Фёдорыча. — Или потерялся? Так же не бывает, дед.

Тот, аккуратно застегнув куртку, ответил, не выдав никакого волнения:

— Была же у тебя жена без имени, вот, значит, и такое бывает. Всяко бывает, Егор!

И он первым вышел из избушки.

* * *

Ночь откатывала. Тучи, словно осенние мухи, засидев небо, уползли, освободив горизонт над землёй. Голый березняк, местами вперемеж с, наоборот, лохматыми, поэтому чернеющими в колках соснами, стыдливо молчал. Где-то настороженно вдруг вскрикивала птичка, боясь полным голосом вспугнуть рассвет.

Они вышли от крайних колков, и впереди, у блестящей чернильной реки, засветилась скромными огнями их деревня.

Удивительное чувство свободы и вечности поразило обоих, враз наполнив души любовью и покоем, и благодарностью к Кому-то главному, от Кого всё это есть!

Егор, не в силах понять восторга и желая привлечь к этому чувству друга, спросил:

— Ну, скажи мне, Фёдорыч, когда люди поймут, что не надо совсем искать правду; она давно найдена. Она найдена, лишь понять её надо, — понять и принять. Да и жить, как всегда жили люди, в любви и вере! Когда-то будет такое?

Парень не знал, о чём спрашивает, и не знал этого старый его товарищ...

Но он повернулся лицом на встающее солнце и, подняв руку, ответил:

— Скоро уже, Егор, скоро! Вот только взойдёт солнце!..